

Сьюзен Элизабет
Филлипс

Мое непослушное сердце

*Да, она счастлива. И будет вспоминать эту
минуту всегда. Лучшую минуту в своей жизни.*

Сьюзен Элизабет Филлипс
Мое непослушное сердце
Серия «Звезды Чикаго», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125314
Мое непослушное сердце: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084254-4

Аннотация

Гордая, независимая писательница детских книжек – и грубовато-мужественный футболист. Что могло объединить столь разных людей? Только то, что вообще объединяет мужчину и женщину! Только – короткий миг сумасшедшей страсти... Только – ребенок, который стал плодом этой страсти... Только – необходимость дать ребенку законное имя... И тогда мужчина и женщина, готовые, казалось бы, забыть друг о друге, поневоле вынуждены стать мужем и женой. Что может выйти из такого союза? Жгучая ненависть? Или – безумная, пылкая любовь, не признающая ни различий, ни условностей?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	73
Глава 4	84
Глава 5	114
Глава 6	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Сьюзен Элизабет Филлипс

Мое непослушное сердце

Роман

*Посвящается Джил Барнетт за ее талант
свахи*

Глава 1

Крольчишка Дафна любовалась ноготками, только что покрытыми блестящим фиолетовым лаком, когда Барсук Бенни, мчавшийся на своем красном горном велосипеде, самым бессовестным образом сбил ее с лап.

– Ах ты, паршивый барсучишка! – взвизгнула она. – Жаль, что никто не догадался проколоть тебе шины!

Дафна летит кувырком

В тот самый день, когда Кевин Такер едва не убил ее, Молли Сомервиль поклялась навеки отвергнуть неразделенную любовь. Забыть о ней. Зарыть в могилку и засеять газонной травкой.

Обиднее всего, что она, никому не мешая и никого не трогая, осторожно огибала раскатанные до блеска наледь на ав-

тостоянке административного здания «Чикаго старз», когда неизвестно откуда, как джинн из бутылки, вырвался Кевин на своем новехоньком «феррари-спайдере» огненно-красного цвета, обошедшемся ему в кругленькую сумму – сто соток тысяч зеленых. Его автомобиль под бешеный визг шин и рычание мотора вымахнул из-за угла, разбрызгивая во все стороны грязь, смешанную с подтаявшим снегом. Поняв, что столкновение неминуемо и сейчас багажник врежется ей в бедро, Молли в панике отпрянула. Но удержаться на ногах не удалось, она ударилась о бампер принадлежавшего зятю «лексуса» и, поскользнувшись, рухнула на землю, исходя бессильной злобой.

Кевин Такер и не подумал сбросить скорость.

Молли проводила взглядом огни машины и с трудом встала. Комья грязного снега и глины облепили штанины ее безумно дорогих фирменных брюк «Комм де Гарсон», сумка из «Прады» превратилась в бесформенный мешок, а итальянский сапожок был изуродован длинной царапиной.

– Тоже мне, ведущий игрок! – прошипела она. – Жаль, что до сих пор никто не догадался тебя кастрировать!

Он даже не увидел ее, не говоря уж о том, что едва не убил! Как говорится, Кевин Такер в своем репертуаре! За все время игры в футбольной команде «Чикаго старз» Кевин Такер, похоже, не позаботился узнать о ее существовании!

Дафна отряхнула пушистый белый хвостик, счистила грязь с переливающихся голубых лодочек и

решила купить себе самые быстрые в мире роликовые коньки. Такие, чтобы в два счета можно было догнать Бенни и его горный велосипед...

Молли решила было вскочить в свой «жучок» – зеленовато-желтый «фольксваген-битл», купленный в салоне поддержанных автомобилей после продажи «мерседеса», и броситься в погоню за наглецом, но даже ее буйное воображение оказалось бессильным дорисовать достойное завершение этой авантюры.

Она медленно пошла к дверям, морщась и качая головой. До чего же она себе противна! Увлеклась тщеславным, пустым, безответственным типом, которому ни до чего нет дела, кроме дурацкого футбола! С нее довольно! С несчастной любовью покончено навеки!

Ну... не то чтобы это была настоящая любовь. Скорее, идиотское увлечение этим кретином! В шестнадцать лет такое еще простительно, но для двадцатисемилетней женщины с индексом интеллекта, приближенным к гениальному, подобные выходки, мягко говоря, смешны!

Из стеклянных дверей, увенчанных эмблемой команды – три золотые, сцепленные лучами звезды в небесно-голубом овале, – ударила струя теплого воздуха. Теперь Молли проводила в административном здании команды значительно меньше времени, чем в школьные годы. Но даже тогда она чувствовала себя тут чужой. Неисправимый, стопроцентный, прирожденный романтик, Молли предпочитала хоро-

шую книгу или музеи бессмысленному сидению на трибунах. Правда, она была преданной болельщицей «Старз», но скорее следовала семейным традициям, чем собственным пристрастиям. Кровь, пот, бешеный перестук наплечников и глухие звуки ударов были так же чужды ее натуре, как... Кевин Такер.

– Тетя Молли!

– Мы тебя ждали!

– В жизни не угадаешь, что у нас случилось!

Молли улыбнулась прелестным одиннадцатилетним племянницам-двойняшкам, мчавшимся по вестибюлю с такой скоростью, что их длинные волосы развевались за плечами.

Тесс и Джули выглядели миниатюрными копиями своей матери Фэб, старшей сестры Молли, и были похожи, как две горошины, если не считать того, что Тесс вздумала облачиться в джинсы и мешковатую футболку «Старз», а Джули натянула черные «капри» и розовый свитер. Обе были хорошо сложены, прирожденные спортсменки, только Джули любила балет, а Тесс предпочитала игровые виды спорта. Веселые и общительные близняшки Кэйлбоу пользовались успехом у одноклассников и школьных товарищей, но доставляли массу хлопот своим родителям, поскольку ни разу не упустили случая достойно ответить на брошенный кем-то вызов и вечно попадали в разного рода переделки.

Сестры, мчавшиеся на всех парах, вдруг замерли как вкопанные, забыв обо всем, что хотели рассказать. Обе, потеряв

дар речи, усталились на волосы тети.

– Господи, да они же красные!

– Точно, красные!

– Клево! Настоящий отпад! Почему ты нам не сказала?

– Да... как-то вдруг вышло... я и не думала... – оправдывалась Молли.

– Я тоже выкрашусь в такой цвет! – провозгласила Джули.

– Не самая хорошая идея, – поспешно ответила Молли. – Лучше объясни, что вы хотели мне сказать.

– Папа рвет и мечет! – объявила Тесс.

– Он и дядя Рон снова поцапались с Кевином, – возбужденно вторила сестре Джули.

Молли, совсем забыв, что несколько минут назад решительно отказалась от неразделенной любви, наострила уши.

– Что он еще наделал, кроме того, что едва меня не сбил?

– Он... тебя?

– Забудьте. Так что случилось?

Джули взволнованно вздохнула:

– Он прыгал с парашютом в Денвере накануне игры с «Бронкос».

– Вот это да... – прошептала Молли.

– Па только что узнал об этом и штрафанул его на десять тысяч долларов!

– Вау!

Насколько знала Молли, это был первый штраф, который заплатил Кевин.

Приступы странной бесшабашности, подчас угрожавшие его жизни, начались как раз перед июльскими сборами, когда любительские мотоциклетные гонки по пересеченной местности закончились вывихом запястья. И настолько не похоже было на Кевина ставить под удар свою спортивную карьеру, что все сочувствовали ему, особенно Дэн, считавший Такера эталоном профессионализма. Однако его мнение постепенно начало меняться после того, как до него дошли слухи о том, будто во время сезона Кевин отправился в Моньюмент-Вэлли полетать на парашуте.

Вскоре куотербек, иначе говоря – ведущий игрок, обзавелся сверхскоростным «феррари-спайдером», тем самым, что едва не прикончил Молли на автостоянке. Затем в прошлом месяце в «Сан таймс» расписали, как Кевин, сбежав из Чикаго после обсуждения результатов игры, улетел в Айдахо, где провел день в уединенной лощине Сан-Вэлли, развлекаясь хели-скиингом ¹. Поскольку в тот раз все обошлось благополучно, Такер отделался всего лишь предупреждением Дэна. Но парашютные прыжки, очевидно, окончательно истощили чашу терпения зятя Молли.

– Па, конечно, все время орет, но до сегодняшнего дня он никогда не спускал собак на Кевина, – доложила Тесс. – А Кевин огрызался, да еще как! Мол, он знает что делает, и до сих пор цел и невредим, а папе лучше не совать нос в его

---

¹ Лыжный спорт в горах, куда поднимаются на вертолете. – *Здесь и далее примеч. пер.*

дела.

Молли болезненно поморщилась:

– Бьюсь об заклад, твоему па это не слишком понравилось.

– Он кричал так, что стены тряслись, – вставила Джули. – Дядя Рон пытался его успокоить, но тут явился тренер и все началось опять.

– А мама? Что сделала она? – встревоженно осведомилась Молли, зная, как Фэб ненавидит скандалы.

– Ушла в свой кабинет и включила Аланис Морисетт.

Что ж, возможно, это к лучшему.

Из-за угла с громким топотом вылетел пятилетний племянник Молли Эндрю и, не сбавляя хода, совсем как «феррари» Кевина, врезался в тетку.

– Тетя Молли! Знаешь, все так кричали, что у меня ушки болят!

Поскольку Эндрю унаследовал от Дэна Кэйлбоу не только внешнюю привлекательность, но и громоподобный голос, Молли искренне усомнилась в последнем утверждении, но все же погладила племянника по голове.

– Бедняжка!

Мальчик поднял на нее глаза.

– И Кевин та-а-ак разозлился на папу, дядю Рона и тренера, что выругался на букву «х».

– Неужели? Как нехорошо!

– Даже два раза!

– О Господи! – Молли едва сдержала улыбку. Понятно, что, проводя столько времени в офисе команды Национальной футбольной лиги, дети слышали и не такие непристойности, но нравы, царившие в семье Кэйлбоу, были достаточно суровы, и каждое неприличное слово влекло за собой тяжкие последствия, хотя и не такие, как десяти тысячный штраф Кевина.

Молли не могла понять, как такое могло с ней случиться. Самым ненавистным в ее увлечении Кевином был тот неоспоримый факт, что она умудрилась втрескаться именно в него, самого поверхностного, самого ограниченного во всем мире типа. Футбол – вот все, что интересовало его в жизни. Матчи и бесконечная процессия топ-моделей с одинаково пустыми лицами. Где он их только находит? В интернет-сайте «Мисс Ничтожество.com.»?

– Привет, тетя Молли.

В отличие от остальных отпрысков Фэб и Дэна восьмилетняя Ханна не подбежала, а спокойно подошла к тетке. Хотя Молли любила всех четырех одинаково, все же относилась к этой беззащитной и слишком уязвимой девчужке, не обладавшей ни ловкостью, ни безграничной самоуверенностью сестер и брата, немного иначе. Ханна с самого рождения была чересчур чувствительной, безнадежно романтичной мечтательницей, одаренной богатым воображением, обожавшей читать и рисовать. Словом, копия своей тетушки.

– Мне нравятся твои волосы.

– Спасибо.

Проницательные серые глаза мгновенно подметили то, что ускользнуло от внимания старших сестер: грязь на брюках Молли.

– Что стряслось?

– Упала на автостоянке. Ничего страшного.

Ханна задумчиво прикусила нижнюю губу.

– Тебе уже рассказали, как поссорились папа и Кевин?

Девочка явно расстроилась, и Молли знала почему. Кевин иногда бывал в доме Кэйлбоу, и Ханна, совсем как ее глупая тетушка, втайне вздыхала по нему. Только в отличие от чувств Молли любовь девочки была чиста и невинна.

– Люди должны отвечать за свои поступки, солнышко, и Кевин не исключение.

– И что с ним теперь будет? – прошептала Ханна.

Молли, в полной уверенности, что Кевин очень скоро утешится с очередной моделью, едва говорящей по-английски, но зато превосходно владеющей всеми эротическими приемами, рассеянно ответила:

– Думаю, он остынет и все обойдется.

– Боюсь, как бы он не натворил глупостей.

Молли отвела со лба Ханны прядь светло-каштановых волос.

– Снова спрыгнет на лыжах с вертолета, как перед игрой с «Бронкос»?

– Он, наверное, просто не подумал.

Еще бы! Вряд ли ничтожный мозг Кевина способен вместить больше одной мысли! Да разве он может думать о чем-то, кроме футбола? Весьма сомнительно!

Но Молли не собиралась делиться своими соображениями с Ханной.

– Мне нужно поговорить с твоей мамой, а потом мы сможем поехать.

– А после Ханны моя очередь, – напомнил Эндрю.

– Я не забыла, милый, – заверила Молли.

Дети любили ночевать в ее крошечном кондоминиуме на Северном Берегу. Обычно они проводили с теткой выходные, но завтра, в четверг, учителя будут заняты на каком-то семинаре, поэтому Молли решила пригласить к себе Ханну.

– Собирай рюкзак. Я быстро.

Оставив детей, она направилась вниз по коридору, украшенному фотографиями, отражавшими историю «Чикаго старз». Первым висел портрет отца, и Молли заметила, что сестра подчеркнула рога, которые давным-давно пририсовала к его голове. Берт Сомервиль, создатель команды, давно лежал в могиле, но забыть о его жестокости дочери так и не смогли.

Далее следовали официальный портрет Фэб Сомервиль, нынешней владелицы команды, и фото ее мужа, Дэна Кэйлбоу, сделанное в те времена, когда он был старшим тренером, а не президентом «Старз». Молли, улыбаясь, рассматривала снимок своего импульсивного зятя. Дэн и Фэб вос-

питывали ее с пятнадцати лет и даже в худшие времена были куда более любящими и заботливыми родителями, чем Берт Сомервиль – в лучшие.

Красовался здесь и портрет Рона Мак-Дермита, первого и единственного генерального менеджера команды, или просто «дяди Рона», как называли его дети. Фэб, Дэн и Рон делали все возможное, чтобы как-то совместить титаническую работу по управлению командой НФЛ и семейную жизнь. За эти годы произошло несколько реорганизаций, в результате которых Дэну, покинувшему было «Старз», пришлось вернуться.

Молли сбросила пальто и критически посмотрела на свое отражение в зеркале. Хотя короткая асимметричная стрижка шла ей и подчеркивала разрез глаз, Молли никак не могла успокоиться на достигнутом и выкрасила темно-каштановые волосы в ослепительно яркий оттенок рыжего. Новый цвет делал ее ничем не примечательное лицо более выразительным. Нет, не то чтобы она жаловалась на свою внешность. Нормальный нос, нормальный рот, нормальная фигура – не слишком тощая, не слишком толстая. Короткий взгляд на бюст напомнил о том, с чем она давным-давно смирилась: для дочери шоу-герл она выглядит явно обделенной природой.

А вот глаза ее огорчали меньше – Молли втайне верила, что легкая раскосость придает ей таинственный вид. В детстве она любила закрывать комбинацией нижнюю половину

лица, воображая себя прекрасной арабской шпионкой.

Она со вздохом стряхнула грязь с брюк, вытерла любимую сумку и, подхватив стеганое пальто, направилась к кабинету сестры.

Шла только первая неделя декабря, но служащие уже начали развешивать рождественские украшения. С двери кабинета Фэб улыбался Санта-Клаус в форме «Старз» – последний рисунок Молли.

– А вот и тетя Молли! – объявила она, заглядывая в комнату.

Ослепительная блондинка так энергично отбросила ручку, что золотые браслеты на запястьях весело звякнули.

– Слава Богу! Голос разума – именно то, что мне сейчас... Господи! Что ты сделала со своими волосами?!

Сама Фэб с копной роскошных, не знавших краски белокурых волос, янтарными глазами и потрясающей фигурой была похожа на Мэрилин Монро. Именно так выглядела бы звезда, если бы дожила до сорока лет. Впрочем, Молли никак не могла представить Мэрилин Монро с пятном от виноградного желе на шелковой блузке. Что бы ни делала с собой Молли, как бы ни старалась, ей все равно не сравняться с сестрой, но она не завидовала. Только самые близкие люди знали, сколько бед принесли Фэб изумительное тело и роковая красота женщины-вампи.

– О, Молли, неужели опять! – простонала Фэб.

Увидев ужас в глазах сестры, Молли от души пожалела,

что не надела шляпу.

– Да успокойся ты! Ничего не случится!

– Успокоиться? Каждый раз, когда тебе приходит в голову особенно изощренным способом поиздеваться над своими волосами, на нас сваливается очередное несчастье! Теперь ничего хорошего не жди.

– Все это в прошлом. Можно подумать, я приношу одни беды! Уж и волосы покрасить нельзя! – обиженно фыркнула Молли.

– Я тебе не верю! Опять вляпаешься в какую-нибудь историю!

– Ничего подобного!

Может, если Молли будет повторять это достаточно часто, ей удастся убедить и себя?

– Тебе было всего десять лет, – пробормотала Фэб, – ты считалась самой способной и примерной ученицей в пансионе. И вдруг ни с того ни с сего отрезала себе косички и подложила в столовой бомбу-вонючку!

– Подумаешь! Химический опыт талантливого ребенка!

– А дальше? Тринадцать лет. Спокойная. Прилежная. После того случая с бомбой ни одного проступка. Пока ты не начала посыпать волосы сухим «Джелло»². И тут взрыв! Ты быстренько собрала все университетские награды и призы Берта, вызвала мусорщиков и потребовала убрать их с глаз долой.

---

² Фирменное название желе из концентрата.

– Но когда я рассказала обо всем, ты обрадовалась, признайся!

Однако Фэб уже завелась и потому не собиралась ни в чем признаваться.

– Прошло еще четыре года. Четыре года идеального поведения и блестящих успехов в учебе. Дэн и я приняли тебя в наш дом и в наши сердца. В выпускном классе ты должна была выступить от имени всей группы на выпускном вечере. У тебя был хороший дом, любящая семья... Кроме того, ты стала вице-президентом школьного совета, так с чего мне было волноваться, если тебе вздумалось выкрасить волосы в оранжево-голубую полосуку?

– Это цвета школы, – еле слышно пояснила Молли.

– И тут мне позвонили из полиции и объяснили, что моя сестра, умная, трудолюбивая девочка, хладнокровно включила пожарную сигнализацию во время большой перемены! Да, невинные детские проделки не для нашей Молли! Это вам не простое озорство! Ей подавай сразу злостное хулиганство!

Тут Фэб права, выходка гнусная, а главное – непонятная самой Молли. Она предала людей, любивших ее, и даже после года полицейского надзора и многих часов общественных работ так и не смогла объяснить, что подтолкнуло ее к этому поступку. Озарение пришло позже, на втором курсе Северо-Западного университета.

Дело было весной, перед экзаменационной сессией. Мол-

ли почему-то не находила себе места, не могла сосредоточиться и, вместо того чтобы заниматься, глотала один за другим любовные романы или пялилась на себя в зеркало и мечтала о прическе в стиле прерафаэлитов. Однако даже новый шиньон, на который ушли все карманные деньги, не принес ей радости.

Так все и шло, пока в один прекрасный день, покинув книжный магазин, она не обнаружила в кармане калькулятор, за который и не подумала заплатить. К счастью, к тому времени Молли успела достаточно повзрослеть и поумнеть, потому и ринулась обратно, чтобы вернуть калькулятор, а потом отправилась к университетскому психологу...

Фэб вернула сестру к действительности, с шумом отодвинув стул.

– А в тот раз... – начала она, вскакивая.

Молли съежилась, хотя знала, что рано или поздно дело дойдет и до этого.

– ...когда на твоей голове появился этот ужасный «ежик»... два года назад...

– Ничего ужасного, последний крик моды, все носили...

Фэб не позволила ей продолжить:

– Так вот, тогда ты остриглась едва ли не наголо, а потом взяла и выбросила на ветер пятнадцать миллионов долларов!

– Ну... положим... это всего лишь совпадение...

– Ха!

В пятнадцатимиллионный раз Молли объяснила, почему

сделала это:

– Деньги Берта душили меня. Мне необходимо было окончательно порвать с прошлым и стать свободной.

– И нищей!

Молли улыбнулась – Фэб никогда не признается, что понимает, почему сестра без сожаления рассталась с наследством.

– Ах, Фэб, какая ты пессимистка! Постарайся увидеть в этом хоть что-то хорошее! Почти никто не знает, что я рассталась с деньгами, и считают меня чудачкой и скрягой, предпочитающей водить подержанный «жучок» и жить в квартирке размером с кладовку.

– Которую ты обожаешь.

Молли не пыталась это отрицать. Мансарда была самым бесценным ее имуществом, и она с гордостью сознавала, что платит по закладной деньгами, заработанными собственным трудом. Только тот, кто, подобно ей, рос, не имея дома, который можно было бы назвать своим, был способен ее понять. Однако Молли решила сменить тему, прежде чем Фэб снова начала читать ей нотации.

– Жевастики сказали мне, что Дэн огрел мистера Ограниченность десятитысячным штрафом по пустой голове.

– Зря ты так. Нехорошо. Кевин вовсе не ограниченный, просто...

– Просто у него узкий круг интересов?

– Честно, Молли, не понимаю, почему ты так его не лю-

бишь? Ведь за все эти годы вы едва обменялись десятком фраз.

– Чисто инстинктивно. Стараюсь избегать людей, заиклившихся на футболе.

– Знай ты его лучше, наверняка любила бы не меньше, чем я.

– Ну разве не поразительно, что он, как правило, встречается с женщинами, неспособными и трех слов связать по-английски? Впрочем, в этом есть кое-какие преимущества – ничто так не мешает сексу, как осмысленная беседа.

Фэб невольно рассмеялась.

Хотя Молли по давней привычке почти ничего не скрывала от сестры, она стойко молчала о своем увлечении защитником «Старз». Мало того что это позорно и унизительно, так еще Фэб наверняка поделится новостью с Дэном, а это уж совсем ни к чему. Зять горой стоит за свояченицу, и у мужчин неженатых, да еще с нормальной сексуальной ориентацией, не слишком много шансов подобраться к Молли. Беспрепятственно общаться с ней может только примерный семьянин или голубой – это Дэн еще кое-как терпел.

И тут в комнату ворвался он сам – голубоглазый светловолосый гигант. Время было благосклонно к Дэну Кэйлбоу, и за двенадцать лет, что его знала Молли, немногочисленные морщинки лишь добавили обаяния мужественному лицу. Он обладал свойством выделяться в толпе и словно излучал надежность и уверенность.

Когда Фэб унаследовала «Старз», Дэн был старшим тренером команды. На беду, новая владелица ничего не понимала в футболе, и Дэн незамедлительно объявил ей войну. Первые битвы были настолько свирепыми, что Рон Мак-Дермит как-то даже отстранил Кэйлбоу от работы за оскорбление Фэб. Но недаром говорится, что от ненависти до любви – один шаг. Не прошло и полугода, как ярость превратилась в нечто совершенно противоположное.

Молли втайне считала, что именно о таких пылких чувствах складывают легенды и поют баллады. Она решила, что, если ей не посчастливится встретить свою судьбу, пережить то же, что связывало сестру с Дэном, тогда ей вообще ничего не надо, лучше остаться одной. Только Великая Страсть была нужна Молли. Великая Страсть, ха! Да скорее Дэн отменит наложенный на Кевина штраф и зимой расцветут розы!

Зять привычно обнял Молли за плечи. Стоило Дэну очутиться в кругу родных, как он обнимал за плечи того, кто стоял поближе.

У Молли сжалось сердце. За эти годы она не раз встречалась с хорошими, порядочными парнями и даже пыталась убедить себя, что влюблена в кого-то из них, но быстро трезвела, стоило лишь осознать: никто из них и в подметки не годится Дэну. Да что там «в подметки» – их даже жалким его подобием не назовешь! Постепенно Молли заподозрила, что вероятность встретить второго Дэна близка к нулю.

– Фэб, я знаю, тебе нравится Кевин, но на этот раз он за-

шел слишком далеко.

Тягучий выговор уроженца Алабамы всегда становился заметнее, когда Дэн был чем-то расстроен.

– Именно это ты говорил в тот раз, – отмахнулась Фэб. – И тебе он тоже нравится.

– Не понимаю! Для него нет ничего важнее игры в «Старз». Почему он из кожи вон лезет, чтобы все пустить по ветру?

– Тебе лучше знать, – мило улыбнулась Фэб. – Недаром ты едва не доконал команду, прежде чем появилась я!

– Должно быть, ты меня с кем-то спутала.

Фэб рассмеялась, и мрачная гримаса на физиономии Дэна сменилась откровенно интимной улыбкой. Правда, улыбка эта тут же померкла.

– Не знай я его лучше, посчитал бы, что он одержим дьяволом.

– Дьяволицами, – поправила Молли. – С иностранным акцентом и сиськами восьмого размера.

– Не забывай, подобные вещи – неотъемлемая часть имиджа футболиста, как крем на торте, – возразил Дэн.

Молли, не желая ничего больше слышать о Кевине, быстро чмокнула зятя в щеку.

– Ханна ждет. Привезу ее завтра днем.

– Только не позволяй ей читать утренние газеты.

Ханна сильно переживала, когда репортеры ругали «Старз», а новость о штрафе Кевина, несомненно, вызовет

негативные отклики прессы, и это огорчит девочку.

Молли помахала на прощание родственникам, зашла за Ханной, поцеловала племянников и отправилась домой. Автострада была забита машинами. Наверняка пройдет не меньше часа, прежде чем она вырулит на дорогу в Эванстон, старый городок на Северном Берегу, где располагались и ее альма-матер и нынешний дом.

– Слайтерин! – обругала она мерзавца, посмеявшегося подрезать ее.

– Грязный паршивец Слайтерин! – вторила Ханна.

Молли усмехнулась. Слайтеринами звались плохиши из книг о Гарри Поттере, и Молли превратила имя в довольно приемлемое ругательство, которое без опаски можно произнести при детях. Ничего удивительного, что оно быстро вошло в лексикон сначала Фэб, а потом и Дэна.

Краем уха прислушиваясь к щебету Ханны, перечислявшей события сегодняшнего дня, Молли вернулась мыслями к разговору с сестрой и тем временам, когда она вошла в права наследования.

По завещанию Берта команда «Чикаго старз» отходила к Фэб. Все, что осталось после ряда неудачных вложений, перешло к Молли, и поскольку та была несовершеннолетней, Фэб управляла ее состоянием, пока оно не возросло до пятнадцати миллионов долларов. Достигнув двадцати одного года и получив диплом журналиста, Молли обрела и огромное состояние, позволившее ей вести полную роскоши

и неги жизнь в шикарных апартаментах на чикагском Золотом Берегу.

Место было чистеньким и спокойным, соседи – в основном людьми пожилыми, не любящими вмешиваться в чужие дела, и девушка далеко не сразу поняла, какую ошибку сделала, поскольку была слишком занята, покупая наряды от кутюр, перед которыми не могла устоять, и раздавая подарки друзьям и приятелям. Себе она приобрела дорогую машину. Но уже через год Молли была вынуждена признать, что праздное существование богатой бездельницы не для нее. Она с детства привыкла трудиться как в школе, так и на временной работе, куда устраивалась летом по настоянию Дэна. Поэтому после недолгих раздумий Молли решила стать репортером.

Она была занята с утра до вечера, но все же быстро осознала, что творчеством тут и не пахнет, и чувство неудовлетворенности собой и своей жизнью не оставляло ее. Молли казалось, будто она играет роль в каком-то спектакле, вместо того чтобы дышать полной грудью. В конце концов она уволилась, чтобы работать над романтической сагой, которую всегда мечтала написать, однако вместо этого принялась править истории, когда-то сочиненные ею для детей Кэйлбоу, – сказки о смелой, хоть и вспыльчивой, крольчишке, одевавшейся по последней моде, живущей в коттедже на опушке Соловьиного Леса и без конца попадавшей в забавные переделки.

Постепенно она начала иллюстрировать свои сочинения смешными рисунками. Молли с детства умела орудовать пером и чернилами, а теперь стала раскрашивать силуэты героев яркими фломастерами, и Дафна с друзьями постепенно ожили.

Она была на седьмом небе, когда «Бердкейдж пресс», небольшое чикагское издательство, купило ее первую книгу «Дафна говорит „привет“», хотя аванс едва покрыл почтовые расходы. Молли наконец нашла свою нишу в мире бизнеса, хотя при таком огромном богатстве подобное занятие могло считаться скорее хобби, чем призванием, и на душе у нее по-прежнему было невесело. Она не находила себе места. Возненавидела свою квартиру, гардероб, волосы... Даже сверхмодная стрижка «ежик» не помогла.

Молли мечтала исподтишка включить пожарную сигнализацию или сорвать стоп-кран. Но поскольку времена безумств прошли, в один прекрасный день она оказалась в кабинете поверенного с объявлением, что желает вложить все деньги в фонд для детей из неблагополучных семей. Потрясенный адвокат лишился на время дара речи, но Молли была счастлива – впервые с того момента, как стала совершеннолетней. Подписав бумаги, она испытала необычайную легкость, словно с рук и ног спали все оковы и теперь можно было абсолютно свободно лететь куда угодно.

– Как здесь хорошо! – выдохнула Ханна, когда Молли открыла дверь своей крохотной мансарды на втором этаже,

всего в двух минутах ходьбы от центра Эванстона. Молли согласно кивнула. Даже если она покидала свой дом ненадолго, всегда любила возвращаться в него.

Все члены семейства Кэйлбоу считали мансарду тети Молли самым крутым местом на свете. Дом был построен в 1910 году для дилера по продаже «студебекеров», потом использовался как офис и, наконец, как склад. Несколько лет назад его реконструировали. В кондоминиуме Молли были огромные окна от пола до потолка, встроенная вентиляционная труба в алюминиевом коробе, а стены из потемневшего кирпича украшали рисунки и картины хозяйки. Квартирка считалась самой маленькой и дешевой, зато потолки высотой в четырнадцать футов давали ощущение безграничного пространства. Каждый месяц, внося плату по закладной, Молли целовала конверт, прежде чем опустить его в почтовый ящик. Дурацкий ритуал, но она неизменно ему следовала.

Большинство знакомых считали, что у Молли есть доля в «Старз», и только немногим было известно, что она теперь небогата. К небольшому доходу от издания книг добавлялись деньги, которые она получала как внештатный сотрудник подросткового журнала «Чик». Правда, к концу месяца на такие предметы роскоши, как одежда и книги в твердых переплетах, оставалось совсем немного, но Молли это не волновало. Она посещала дешевые распродажи, магазины подержанных вещей и библиотеки.

Жизнь была прекрасна. Пусть она никогда не познает Вы-

сокую Стрость, как Фэб, но Господь наделил ее буйным воображением и безграничной фантазией. У нее не было ни жалоб, ни причин бояться, что душевное смятение опять охватит ее. А новая прическа? Да это не что иное, как дань моде!

Ханна сбросила пальто и присела на корточки, чтобы поздороваться с Ру, карликовым серым пуделем, весело подбежавшим к двери. И Ру, и Кенга, пудель Кэйлбоу, были потомками незабвенной Пу Фэб.

– Эй, вонючка, ты скучал по мне? – осведомилась Молли, отбрасывая почту, чтобы чмокнуть пушистый хохолок Ру.

Тот лизнул ей подбородок и, картинно насторожившись, издал свое знаменитое рычание.

– Да, да, мы уже боимся, верно, Ханна?

Ханна хихикнула и подняла глаза на Молли:

– Все еще любит притвориться полицейской собакой?

– Самый страшный пес из всех полицейских ищек! Не будем оскорблять его самолюбие, объясняя, что он всего лишь пудель.

Ханна восторженно стиснула Ру и, поставив его на пол, направилась к «кабинету» Молли, занимавшему дальний конец огромной комнаты.

– Написала новые статьи? Мне понравилась «Ночь страсти после школьного бала».

– Скоро напишу, – улыбнулась Молли.

В соответствии с требованиями рынка статьи, посылае-

мые ею в «Чик», почти всегда получали двусмысленные заголовки, хотя содержание было абсолютно безобидным. В «Ночи страсти» говорилось о последствиях занятий сексом на задних сиденьях машин. «От девственницы до ведьмы» рассказывала о новых направлениях в косметике, а «Хорошие девочки пускаются во все тяжкие» повествовала о походе трех четырнадцатилетних школьниц по городским окрестностям.

– Можно посмотреть твои новые рисунки?

– У меня ничего нет, – покачала головой Молли. – Мне в голову пришла новая идея, но я еще не успела над ней поразмыслить.

Иногда ее книги начинались с небрежных набросков, иногда с текста. Сегодняшний сюжет подсказала сама жизнь.

– Расскажи! Пожалуйста!

Обычно, прежде чем приступить ко всему остальному, они любили выпить по чашечке чая «Констант коммент». Вот и сейчас Молли отправилась в крохотную кухню, располагавшуюся напротив «кабинета», и поставила чайник на огонь. Ее миниатюрная спальная антресоль располагалась как раз над «гостиной». Металлические полки были полны книг: сочинения обожаемой Джейн Остен, потрепанные романы Дафны Дюморье и Ани Ситон, ранние произведения Мэри Стюарт, Виктории Холт, Филлис Уитни и Даниелы Стил.

На полках поуже в два ряда стояли карманные издания –

исторические саги, дамские романы, детективы, путеводители и справочники. Были здесь и биографии знаменитых женщин, и несколько томиков наименее угнетающих антологий книжного клуба Опри³.

Старенькие, но драгоценные для нее детские книжки Молли держала в «спальне». В коллекции были все истории об Элоизе и Гарри Поттере, «Колдунья Блекбед-Понд», несколько сказок Джуди Блум, «Дети из товарного вагона» и «Энн из Грин-Гейблз» Гертруды Чендлер Уорнер, зачитанные «шедевры» Барбары Картленд, которые она открыла для себя в десять лет. Словом, типичное собрание истинного книжного червя, и дети Кэйлбоу обожали валяться на постели в окружении разнокалиберных томов, пытаясь решить, что выбрать из огромной кипы книг.

Молли вынула из шкафчика фарфоровые чашки с тонкими позолоченными ободками и россыпью лиловых анютиных глазок.

– Я решила, что моя новая книга будет называться «Дафна летит кувырком».

– Расскажи!

– Ну... Дафна пробирается через лес по своим делам и никого не трогает. И тут вдруг откуда ни возьмись вылетает Бенни на своем горном велосипеде и сбивает ее.

– Негодный барсучишка! – неодобрительно фыркнула де-

---

³ Опра Уинфри – самая популярная телеведущая в США, ведет ток-шоу, нечто вроде «книжного клуба».

вочка.

– Именно.

– Думаю, неплохо бы кому-нибудь стянуть этот велосипед! – лукаво предложила Ханна. – И поделом ему! Не будет пакостить!

– В Соловьином Лесу нет воровства, – покачала головой Молли. – Разве мы не говорили об этом, когда ты хотела, чтобы кто-нибудь стащил горные лыжи Бенни?

– Кажется... – Девочка упрямо поджала губы. В точности как ее папаша, когда ему что-то не нравится! – Но если в Соловьином Лесу есть горные велосипеды и горные лыжи, почему не быть воровству? И Бенни это не нарочно. Он не такой уж плохой, просто озорник.

Молли отчего-то снова вспомнила о Кевине.

– Слишком уж тонкая грань между озорством и глупостью!

– Бенни не глупый! – отчаянно воскликнула Ханна, и Молли пожалела о своей несдержанности.

– Конечно, нет. Он самый умный барсук в Соловьином Лесу, – заверила она, взъерошив племяннице волосы. – Давай выпьем чайку, а потом погуляем с Ру у озера.

За всеми делами Молли совсем забыла о почте и стала просматривать письма, только когда Ханна уснула с помятым романом «Желание Дженнифер» в руках. Молли прижала счет от телефонной компании зажимом и машинально вскрыла большой канцелярский конверт. Один взгляд на за-

головок – и она безглаголиво поморщилась. Нужно же было ей взять это в руки!

«Здоровые духом дети для здоровой духом Америки!

Проказа гомосексуализма подбирается к вашим детям! Самых невинных граждан страны ввергают в пучину порока и извращений непристойными книгами и разнузданными телешоу, прославляющими сексуальные отклонения и отсутствие моральных принципов...»

«Здоровые дети для здоровой Америки», сокращенно «ЗДЗА», – известная чикагская организация, сдвинутые члены которой с безумным блеском в глазах выплескивали свою паранойю, участвуя во всех местных ток-шоу. «Ах, если бы их энергию да на что-нибудь полезное – может, и несчастных детей стало бы меньше!» – подумала Молли, прежде чем швырнуть письмо в мусорное ведро.

На следующий день Молли отвезла Ханну к родителям и помчалась по шоссе в Дор-Каунти, летний дом Кэйлбоу в штате Висконсин. Отняв руку от руля, она рассеянно погладила хохолок Ру. Солнце клонилось к горизонту, и вряд ли можно было рассчитывать попасть туда раньше полуночи.

Решение ехать на север было чисто импульсивным. Вчерашний разговор с Фэб обнажил то, что Молли старалась скрыть даже от себя самой. Сестра была права – недаром она перекрасила волосы. Прежняя неудовлетворенность собой вернулась, а вместе с ней явились и старые проблемы.

Разумеется, у нее нет никакого желания включать пожарную сигнализацию и с наследством она уже успела разделаться, но это еще не означает, будто подсознание не изобретет очередного способа отмочить что-нибудь этакое. Недаром у Молли было неприятное ощущение, словно ее снова затягивает омут, из которого она, казалось, выбралась навсегда.

Университетский психолог много лет назад сказал ей:

– В детстве вы верили, что можете заслужить любовь отца примерным поведением. Воображали, что если будете учиться на отлично, выполнять все писанные и неписанные правила, тогда он даст вам то, в чем нуждается каждый ребенок: похвалу, нежность и доброту. Но ваш отец оказался неспособным на такого рода любовь. Поэтому время от времени что-то в вас ломалось и вы совершали очередную проделку самого низкого, по вашим понятиям, толка. Вполне естественная реакция. Это помогло вам сохранить рассудок и цельность характера.

– Но это не объясняет того, что я натворила в высшей школе, – возразила тогда Молли. – Берг умер, и я жила с Фэб и Дэном. Оба любили меня. А как насчет украденного калькулятора?

– Может, вы хотели испытать любовь Фэб и Дэна?

Молли от неожиданности задохнулась:

– О чем вы?!

– Единственный способ убедиться в стойкости и неизменности их любви – совершить нечто ужасное и посмотреть, не

отрекутся ли они от вас.

Они были рядом. Все время.

Так почему же все вернулось? Она больше не хочет никаких неприятностей и готова всю жизнь писать книги, наслаждаться обществом друзей, гулять с Ру, играть с племянницами и племянником. Но отчего, отчего не находит себе места? Стоит лишь взглянуть на омерзительно-красные волосы, чтобы понять: она на грани срыва.

Так что лучше пока спрятаться от греха подальше в Дор-Каунти на недельку-другую. Уж там она наверняка ни во что не впутается.

В это самое время Кевин Такер мирно спал и видел во сне катившийся по полю мяч. Разбудил его подозрительный шум. Кевин перевернулся на спину, застонал и попытался было сообразить, где находится, но бутылка шотландского виски, которую он успел уговорить перед сном, весьма эффективно отшибла память.

Он снова услышал звук, какое-то царапанье у двери, и в голове немного просветлело. Он в Дор-Каунти, штат Висконсин. На этой неделе у «Старз» нет игр, и Дэншибанул его десятитысячным штрафом. Ко всему прочему сукин сын приказал ему отправиться в летний дом и оставаться там, пока не поумнеет.

Черт возьми, с его головой все в порядке! А вот о бешено дорогой и самой современной сигнализации Кэйлбоу этого

не скажешь — кто-то пытается вломиться в дом, а она молчит.

Глава 2

Ну и что, если он самый крутой парень в вашей школе? Главное, как он с вами обращается.

Из статьи Молли Сомервиль для журнала «Чик»

«Так ли уж трудно справиться с крутым»

Кевин вдруг сообразил, что в неравной борьбе с бутылкой виски совершенно позабыл включить сигнализацию. Что ж, может, это к лучшему – появился шанс немного развлечься.

Дом был темным и холодным. Кевин спустил ноги с дивана, наткнулся на журнальный столик, выругавшись, потер коленку и метнулся к двери. Что же у него за жизнь, если драка со взломщиком представляется самым интересным событием за неделю? Оставалось только надеяться, что ублюдок вооружен.

Он ловко обогнул горбатую тушу, которую посчитал креслом, наступил на что-то маленькое и жесткое, возможно, детальку конструктора «Лего», из тех, что разбросаны по полу. Никакого порядка, несмотря на то что дом большой и роскошный.

Дьявол, ну и темнотища!

Кевин стал красться в направлении скребущего звука, и едва сделал несколько шагов, как услышал щелчок. Дверь стала медленно открываться.

В предчувствии опасности он ощутил знакомое возбуж-

дение, которое так любил, и, плавным движением распахнув дверь, схватил незваного гостя.

Парень, казалось, был не тяжелее мухи и потому сразу полетел на пол. Судя по пронзительному визгу, он к тому же был еще и голубым.

Но к несчастью, он захватил с собой пса. Большого пса, похоже.

У Кевина волосы встали дыбом от низкого, угрожающего, леденящего кровь рычания служебной собаки, готовой ценой собственной жизни защитить хозяина. Прежде чем он успел хоть что-то предпринять, острые зубы впились в его щиколотку. И тут наконец в игру вступили рефлексy, сделавшие Кевина легендой спорта. Одним броском он достиг выключателя – яркий свет залил прихожую, и Кевин с ужасом осознал: его атаковал не ротвейлер, отнюдь, и панические вопли издавал не мужчина.

– А, черт...

На полу, покрытом плитамy, лежала маленькая орущая женщина с волосамy цвета его «феррары». А его щиколотку заодно с любимымy джинсамy с упоением уродовал крошечный серый...

У него не хватило духу даже мысленно произнести это слово.

Вещи незнакомки рассыпались еще в тот момент, когда он ее сцапал. Пытаясь стряхнуть подлого пса, Кевин успел заметить книги, рисовальные принадлежности, две коробки

печенья «Наттер баттер» и шлепанцы в виде пушистых розовых кроликов.

Наконец ему удалось избавиться от захлебывавшегося лаем пуделя. Женщина встала, приняв боевую позу. Кевин открыл было рот, чтобы объяснить, но ее нога взлетела вверх и ударила его под коленку. И не успел он оглянуться, как оказался на полу.

– Пропади все пропадом! «Джайентс» потребовалось три периода, чтобы достать меня! – воскликнул он.

Женщина была в пальто, когда упала на пол, а между ним и холодными плитами был всего-навсего тонкий слой джинсовки.

Кевин поморщился и перевернулся на спину. Зверюга немедля вскочила ему на грудь, дыша в лицо и колотя по носу хвостиками голубой косыночки, повязанной на ее шее.

– Вы пытались убить меня! – негодуяще завопила женщина.

– Я не нарочно, – оправдывался Кевин. Он явно встречал ее раньше, но под страхом смерти не смог бы сказать, где именно. – Нельзя ли отозвать вашего питбуля?

Испуг во взгляде незнакомки сменился яростью. Женщина стала удивительно похожа на своего пуделя.

– Иди сюда, Ру.

Животное рывкнуло напоследок и сползло с груди Кевина. И тут до него дошло. О черт, черт, черт!

– Вы... ээ... сестра Фэб? С вами все в порядке... – Кевин

лихорадочно рылся в памяти, – мисс Сомервиль?

Поскольку именно он валялся на каменном полу, его бедро было ушиблено, а щиколотка прокушена, то этот вопрос казался ему верхом учтивости.

– Второй раз за два дня! – свирепо прошипела она.

– Я не помню...

– Второй раз! Ты что, совершенно спятил, глупый барсук? Крыша поехала? Или ты просто идиот?!

– Что касается меня... Кажется, вы называли меня барсуком?

Молли кивнула:

– Болваном. Я назвала вас болваном.

– Тогда все улажено.

К сожалению, его неуклюжие попытки пошутить нимало ее не позабавили.

«Питбуль» ретировался к ногам хозяйки. Кевин с усилием оттолкнулся от холодной плиты и потер щиколотку, стараясь вспомнить все, что знал о сестрице своей нанимательницы. Кажется... Ну да, типичная интеллектуалка. Шибко ученая, одним словом. Синий чулок. Он встречал ее в офисе «Старз», всякий раз с очередной книгой. Но волосы тогда были другого цвета, это уж точно.

Невозможно поверить, что она – родственница Фэб, потому что красоткой ее не назовешь. Правда, и уродиной тоже. Так, ни рыба ни мясо. Совершенно ordinaria личность. Вместо соблазнительных форм Фэб – сплошная равнина: ни

груди, ни бедер, нет ни впечатляющей фигуры, ни роста. Маленькая, неприметная. В отличие от рта Фэб, словно созданного, чтобы шептать бесстыдные слова в темноте, эти губы, кажется, с утра до вечера шикают на людей, осмелившихся повысить голос в библиотечном зале.

Кевину не нужно было долго думать, чтобы понять: перед ним женщина именно того типа, который он терпеть не мог, – чересчур умная и неисправимо серьезная. И наверняка язык подвешен как надо: еще один козырь против нее. Но справедливости ради стоит выставить младшей сестренке высший балл за глаза. Просто класс! Цвет необычный, что-то среднее между синим и серым, и к тому же немного раскосые, что придает им неотразимо сексуальный вид. А брови вразлет! Правда, сейчас они почти сошлись, потому что она смотрит на него зверем. Черт возьми! Сестра Фэб! А он-то воображал, будто все плохое, что могло приключиться на этой неделе, уже позади и ждать новых сюрпризов не придется!

– Так вы в порядке? – переспросил он.

Серая радужка налилась синевой летнего неба, прежде чем включилось штормовое предупреждение. Похоже, он ухитрился достать всех представителей правящего клана, исключая разве что детей. Редкий дар! Пожалуй, лучше заглядывать свой промах, прежде чем разразится буря. Рассчитывая на свое неотразимое обаяние, Кевин улыбнулся:

– Я не хотел вас пугать. Подумал, что это грабитель.

– Позвольте спросить, что вы здесь делаете?! – взвизгнула она, но уже за секунду до этого Кевин понял, что на сей раз обаяние подвело его.

– Дэн предложил мне пожить здесь несколько дней, – выдал он мрачно, – обдумать, что да как. – И, немного помедлив, добавил: – В чем я совершенно не нуждаюсь.

Женщина раздраженно ударила по кнопкам выключателей, и два ряда бра осветили дальние углы.

В доме, сложенном из толстых бревен, было шесть спален. Потолок, взлетающий на высоту в два этажа, с темными перекрестьями балок, лишал его сходства с бревенчатыми хижинами первых поселенцев. Большие окна делали дерево органичной частью интерьера, а в огромном камине из необработанного камня, занимавшем почти всю дальнюю стену, можно было зажарить буйвола. Вся мебель была массивной, очень мягкой и удобной, рассчитанной на бесцеремонное обращение всех членов большой и шумной семьи. Широкая витая лестница вела на второй этаж и мансарду.

Кевин нагнулся и стал подбирать вещи Молли. Очередь дошла до розовых шлепанцев. Повертев их в руках, он с легкой ехидцей осведомился:

– Не боитесь носить эти штуки в охотничий сезон?

– Отдайте! – крикнула она, вырвав у него шлепанцы.

– Поверьте, я не собирался их надевать. Боюсь, это произвело бы нежелательное впечатление на товарищей по команде.

Но и эта шутка не заставила Молли улыбнуться.

– Недалеко отсюда есть гостиница. Думаю, вам будет несложно перебраться туда.

– Неужели хотите выкинуть меня на улицу в такой час? Кроме того, меня пригласили.

– Это мой дом, и не помню, чтобы я вас приглашала.

Она бросила пальто на диван и направилась в кухню. «Питбуль» презрительно оттопырил губу, хохолок на макушке встал дыбом. Убедившись, что Кевин оценил степень его негодования, пес засеменил за хозяйкой.

Кевин последовал за ними. Кухня была просторной и уютной, обставленной шкафчиками ручной работы; из окон открывался великолепный вид на озеро Мичиган. Младшая сестрица Фэб бросила свертки на пятиугольный стол, окруженный шестью табуретами.

Нужно отдать должное, вкус у нее есть. И одевается неплохо: узкие брючки цвета маренго и серый мешковатый свитер, напоминающий кольчугу. А с этими короткими пылающими волосами она похожа на Жанну д'Арк, взошедшую на костер. Одежда дорогая, но явно не новая, что весьма странно, если вспомнить о том, как ей удалось заполучить все денежки старого Берта Сомервиля. Впрочем, Кевин тоже не беден, но разбогател после того, как стал взрослым, приобрел немалый жизненный опыт и характер его полностью сформировался. По его наблюдениям, люди, родившиеся с золотой ложкой во рту, презирают тяжкий, упорный труд.

Такова и сестра Фэб, надо полагать.

– Ээ... мисс Сомервиль... прежде чем вы вышвырнете меня... Кстати, я готов побиться об заклад, что Кэйлбоу понятия не имели о вашем приезде сюда – иначе объяснили бы, что место уже занято.

– Боюсь, у меня все же есть некоторые преимущества, – сухо процедила Молли и, швырнув печенье в ящик стола, с шумом его задвинула. Судя по виду, она была напряжена как натянутая струна и зла как фурия. – Вы ведь даже не помните моего имени, верно?

– Что вы, конечно, помню, – заверил Кевин, лихорадочно терзая мозг и не находя ответа.

– Нас познакомили не меньше трех раз.

– Это было совершенно не обязательно, поскольку у меня прекрасная память на имена.

– Только не на мое. Вы благополучно его забыли. Вернее, выбросили из головы, как только услышали.

– Вовсе нет.

Она испытующе уставилась на него, но Кевин привык и не к такому моральному давлению, поэтому без всякого труда выдержал презрительный взгляд.

– Я Дафна, – наконец произнесла она.

– Зачем говорить мне то, что я уже знаю! Вы со всеми так нетерпимы, Дафна?

Его собеседница поджала губы и что-то тихо пробормотала. Кевин мог поклясться, что опять услышал странное опре-

деление «барсук».

Ну разумеется, он даже имени ее не знает! Этого и следовало ожидать. Хороший урок!

«Поделом тебе», – подумала Молли, исподлобья глядя на опасного мужчину, внезапно оказавшегося совсем рядом. Нет, как ни крути, а нужно найти способ уберечься от воздействия его обаяния. Ну да, он в самом деле неотразим, кто бы спорил! Однако таких мужчин на свете сотни. Верно, не каждый может похвастаться редкостным сочетанием темных волос и ярко-зеленых глаз. И далеко не всякого природа наградила телом древнегреческого бога: стройным, подтянутым, мускулистым, но не громоздким. Тем не менее она не настолько глупа, чтобы потерять голову только потому, что с ней разговаривает обаятельный обладатель идеальной фигуры и смазливой физиономии.

Ах, кого она хочет обмануть? Глупа, конечно, глупа, полная идиотка! Достаточно вспомнить ее тайное, безумное, безнадежное влечение к этому человеку. Хорошо хоть, у нее хватает мужества признаться в собственной дурости!

Но присоединяться к толпе восторженных поклонниц этого человека она не собирается! На это у нее ума хватит. Ничего, она ему покажет! Она тоже умеет задрать нос и надменно цедить слова!

Молли спесиво вскинула подбородок.

– Вам все-таки придется уехать, Кен, – бросила она. – О,

простите, я хотела сказать «Кевин». Вы ведь Кевин, верно?
Должно быть, она зашла слишком далеко – губы Кевина нервно дрогнули.

– Нас трижды знакомили. Думаю, было время запомнить.

– О, в клубе вечно толкутся футболисты! Вас так много, к тому же все на одно лицо.

Левая бровь Кевина вопросительно изогнулась.

Молли, похоже, добила своего. Пожалуй, теперь можно проявить великодушие, но с оттенком снисходительной жалости – это окончательно добьет его.

– Так и быть, разрешаю вам остаться до утра, но я приехала сюда работать, так что будьте добры завтра же переехать в гостиницу.

Случайно выглянув в окно кухни, она увидела припаркованный у гаража «феррари».

Кевин подчеркнуто медленно опустился на табурет, очевидно, желая показать, что не собирается отступать с завоеванных позиций.

– И чем же вы занимаетесь? – покровительственно поинтересовался он, давая понять, что не верит, будто она способна на что-то серьезное.

– Je suis auteur ⁴.

– Писательница?

– Soy autora, – подтвердила она по-испански.

– Вам чем-то не нравится английский? Не поделитесь, по

---

⁴ Я автор (*фр.*).

какой причине?

– Мне казалось, что иностранные языки вам привычнее, – пояснила она, неопределенно взмахнув рукой. – Что-то я читала насчет... – Стоп! Не пора ли остановиться? Кевин, конечно, не кладезь мудрости, но и кретином его не назовешь. Не слишком ли она зарвалась? Не стоит переходить границу... Но к несчастью, Молли завелась, и теперь ее несло: – Я почти уверена, что Ру уже выздоравливает. Небольшая проблема, знаете ли... теперь так много случаев бешенства... Это я к тому, что вам, наверное, стоит сделать несколько уколов, просто на всякий случай, чтобы не волноваться.

– Все еще злитесь, что принял вас за грабителя?

– Простите, не расслышала. Должно быть, сотрясение мозга при падении на пол.

– Я сказал, что прошу прощения.

– А, что-то в этом роде вы уже... – пробормотала Молли, отодвинув грудку фломастеров, оставленных детьми на тумбе.

– Пойду, пожалуй, спать, – решил Кевин и, поднявшись, шагнул было к двери, но тут же обернулся и с любопытством уставился на ее полыхающие волосы. – Скажите честно, вы поставили на какую-то команду и проиграли?

– Спокойной ночи, Керк.

Только войдя в спальню, Молли сообразила, что ей не хватает воздуха. Причина была очевидна: лишь тонкая перего-

родка отделяла ее от комнаты для гостей, где сейчас мирно храпел Кевин. Кожа зудела, а руки так и тянулись к ножницам, хотя, честно говоря, стричь было уже почти нечего. Может, и следовало бы снова вернуть волосам их естественный цвет, но Молли не хотела доставить ему такое удовольствие.

Господи, она приехала сюда спрятаться от мира, зализать раны, а не спать рядом с логовом льва!

Молли схватила вещи и, позвав Ру, двинулась в большую угловую комнату, где обычно ночевали девочки. Первое, что она сделала, – заперла замок. На большее сил не хватило. Ноги едва держали ее.

Молли прислонилась к дверному косяку и попыталась успокоиться, бессознательно оглядывая скошенный потолок и широкие уютные подоконники, на которых так приятно мечтать днем. Две стены были расписаны видами Соловьиного Леса – это сделала она, пока остальные члены семьи путались под ногами и мешали. Ничего, здесь она в безопасности, а завтра утром он уберется.

Но заснуть Молли не смогла. Почему она, как обычно, не предупредила Фэб, что поедет сюда? Да потому, что не желала слушать нотации по поводу волос и предостережения относительно грядущих неприятностей.

Молли ворочалась с боку на бок, сбивая простыню, то и дело смотрела на часы. Наконец сдавшись, она включила свет, чтобы сделать наброски для новой книги. Обычно вой зимнего ветра, бьющего в окна бревенчатого дома, успокаи-

вал ее, но сейчас словно подстрекал скинуть одежду и закружиться по комнате, сбросить обличье скромной приличной девушки и превратиться в буйную и неукротимую дикарку.

Молли стянула с себя одеяло и встала с кровати. В комнате было холодно, но она раскраснелась от внутреннего жара и горела как в лихорадке. Хорошо бы сейчас очутиться дома!

Ру чуть приоткрыл глаз, сонно посмотрел на хозяйку и, убедившись, что все в порядке, снова засопел. Молли прошлепала к ближайшему окну, под которым стояла мягкая банкетка. Стекла уже затянуло длинными ледяными перьями, и тонкие снежные ленты плясали между деревьями. Молли честно старалась полюбоваться красотой ночной метели, но перед глазами стоял Кевин Такер. При одной мысли о нем набухшие груди пульсировали, а по спине пробежал озноб. До чего же все это унизительно! Она умная, талантливая женщина – и несмотря на все усилия, одержима им, как сексуально озабоченная фанатка.

Может, это извращенная форма развития личности? Хорошо еще, что она помешалась на сексе, а не на Великой Страсти, которую ей никогда не доведется испытать. Впрочем, страсть куда безопаснее. Что ни говори, а Дэн спас жизнь Фэб! Ну разве не романтично? Недаром и Молли преисполнилась несбыточных надежд!

Пришлось оставить Великую Страсть и вернуться к сексу. Интересно, Кевин во время *этого* объясняется по-английски или запасся для подобных случаев двумя-тремя расхожими

фразами на других языках?

Молли со стоном зарылась лицом в подушку.

Наконец сон сморил ее. Всего на несколько часов. Серый холодный рассвет вполз в окна. Выглянув во двор, Молли увидела, что «феррари» исчез. Вот и прекрасно!

Она прогулялась с Ру, приняла душ и, вытираясь, заставила себя промурлыкать куплеты Винни-Пуха. Но к тому времени, как натянула поношенные серые брючки и свитер фирмы «Дольче и Габбана», купленный еще до расставания с наследством, Молли поняла: все попытки казаться счастливой позорно провалились.

Да что это с ней? У нее чудесная, можно сказать, идеально устроенная жизнь. Здоровье, прекрасная работа, хорошие друзья, потрясающая семья, редкостный песик. И хотя она почти разорена, это значения не имеет, потому что мансарда стоит тех денег, что заплачены за нее. Чего еще желать? Совершенно нечего, тем более что Кевин Такер наконец уехал!

Ненавидя собственную хандру, морщась от брезгливости при мысли о своем безволии, Молли сунула ноги в розовые шлепанцы, подаренные близняшками на день рождения, и поплелась на кухню. Кроличьи головки на носках весело кивали в такт каждому шагу. Ладно, хватит ныть! Быстрый завтрак – и за работу. Вчера она не успела заехать в бакалею, так что придется обойтись старыми запасами.

Вынув из серванта упаковку «Дэнпоп тартс», она сунула их в тостер, но тут Ру вострепнулся и оглушительно залаял.

Молли едва успела выпрямиться, как задняя дверь открылась и вошел Кевин с охапкой ярких пакетов. Ее идиотское сердце пропустило удар.

Ру зарычал, но Кевин даже ухом не повел.

– Привет, Дафна!

Безрассудная радость мгновенно сменилась раздражением. Слайтерин!

Кевин бросил пакеты на стол.

– Еды почти не осталось.

– Какая вам разница? Вы ведь все равно уезжаете, неужели забыли? – напомнила она и повторила фразу по-французски, с наслаждением заметив, что он раздраженно морщится.

– Ошибаетесь, – буркнул Кевин, отвернув колпачок бутылки с молоком с таким видом, что сразу стало ясно, чью шею он представляет на месте бутылки. – Я не собираюсь еще больше злить Дэна, так что придется удалиться вам.

Именно это ей и стоило бы сделать. Но уступить? Сдаться на милость победителя? Ни за что!

Нехарактерная для Молли стервозность взяла верх, и она мгновенно выпустила коготки.

– Не дождетесь! Конечно, спортсмену трудно понять, что для работы необходимы покой и тишина, поскольку в отличие от некоторых мне приходится много думать. Вам, разумеется, подобные тонкости недоступны...

Кевин определенно понял, что его пытаются оскорбить, но виду не подал.

– Я остаюсь, – коротко бросил он.

– Я тоже, – не менее упрямо ответила она.

Судя по лицу, его так и подмывало вышвырнуть ее. Ничего, руки короткие. Она все-таки сестра босса!

Кевин долго, старательно лил молоко в стакан, прежде чем присесть на тумбу.

– Дом достаточно велик для нас обоих. Поделим территорию.

Она уже открыла рот, чтобы возразить, сказать, что лучше уберется отсюда, но что-то ее остановило. Может, это не такая уж плохая идея? Самый быстрый способ справиться с собственным безумием – обнаружить под маской неотразимого красавчика мерзкого Слайтерина. В конце концов, она никогда не сталкивалась с реальным Кевином. Да и откуда ей знать его? Они даже не разговаривали. Может, ее привлекала яркая картинка: великолепное тело, чувственные глаза, тигриная походка?

Молли молча наблюдала, как он пьет молоко. Отрыжка. Всего один раз – и с иллюзиями покончено. Что может быть противнее, чем мужчина, рыгающий после еды... или чавкающий за столом?... А как насчет жлобов, которые пытаются завлечь женщину, помахивая толстой пачкой баксов, стянутой аляповатым зажимом?

Может, он носит золотую цепочку? Или помешан на оружии? А вдруг коверкает слова? Молли содрогнулась.

Ему наверняка далеко до Дэна Кэйлбоу. Да-да, на пути

к совершенству Кевина Такера подстерегает миллион ловушек, в какую-то он обязательно попадет! И поделом вам, мистер Такер! Одна отрыжка... едва заметный золотистый отблеск на этой потрясающей шее... или еще что-то в этом роде – и...

Молли поймала себя на том, что улыбается.

– Так и быть, оставайтесь.

– Спасибо, Дафна.

Он допил молоко, но не рыгнул. Молли прищурилась, напомнив себе, что, пока он называет ее Дафной, она почти неуязвима.

Отыскав свой портативный компьютер, она отнесла его в мансарду и поставила на письменный стол рядом с альбомом для рисования. Поработает либо над «Дафной», либо над новой статьей «Петтинг и осторожность: далеко ли позволишь себе зайти?».

Очень далеко.

Наверное, думать в такую минуту о сексе неуместно. Даже о его подростковой разновидности.

Снизу донесся рев болельщиков. Очевидно, Кевин привез с собой запись матча и решил разобрать игру. Интересно, открывал ли он в своей жизни книгу, смотрел хоть один приличный фильм и вообще думал ли о чем-то, не имеющем отношения к футболу?

Ладно, это не ее дело. Пора за работу.

Молли поставила ногу на спину Ру и залюбовалась гнев-

ными волнами в белых кружевных чепчиках, тревоживших серую ледяную поверхность озера Мичиган. Может, Дафна, вернувшись к себе, увидит темные окна, а когда переступит порог, откуда-то выскочит Бенни, и...

О нет, не стоит портить детские сказки эпизодами из собственной жизни!

Ладно, значит...

Молли открыла альбом. Дафна наверняка захочет надеть маску, в которой встречала Хэллоуин, и напугать...

Нет, это уже было в «Дафна сажает тыквы».

Кажется, пришло время позвонить подруге.

Молли подняла трубку и набрала номер Джанин Стивенс, одной из близких приятельниц и собрата по перу. Хотя Джанин писала для подростков, они придерживались одинаковых взглядов на литературу и частенько подкидывали друг другу идеи.

– Слава Богу, это ты! – воскликнула Джанин. – Я все утро пыталась до тебя дозвониться!

– Что стряслось?

– Представляешь, какая-то лохматая мымра из «ЗДЗА» дорвалась до микрофона и заняла едва ли не половину времени в сегодняшних новостях! Рвала, метала и захлебывалась слюной, убеждая несчастных слушателей, что нынешние детские книги – тайное орудие гомосексуалистов и их чтение ведет прямым путем к разврату и пороку.

– Ну и пусть себе разоряется, нам какое дело?

– Молли, она потрясала экземпляром «Я так тоскую по тебе»! Твердила, будто это яркий пример той пакости, которая толкает детей в болото извращения.

– О, Джанин, это ужасно!

Тринадцатилетняя героиня романа «Я так тоскую по тебе» пыталась осмыслить причину травли ее талантливого старшего брата, которого сверстники считали голубым. Тонкая, умная, прекрасно написанная книга...

Джанин всхлипнула и шумно высморкалась.

– Утром позвонила издатель. Сказала, что они решили подождать, пока уляжется шум, и отложить выпуск моей новой книги на год!

– Но ты закончила ее почти год назад!

– А им плевать! Поверить не могу! Роман только-только начал расходиться! Теперь обо мне все забудут!

Молли как могла утешила подругу. Повесив трубку, она решила что «ЗДЗА» – более страшное зло для общества, чем любая порнография.

Снизу донеслись шаги, и она сообразила, что свистков и шума голосов больше не слышно. Должно быть, запись игры закончилась. Что ж, по крайней мере беседа с Джанин отвлекла ее от мыслей о Кевине.

– Эй, Дафна! – прозвучал низкий мужской голос. – Не знаете, тут поблизости нет аэродрома?

– Аэродрома? Есть. В Стержн-Бэй... и... Что?! – Она резко вскинула голову. – Аэродром?! – Вскочив, Молли броси-

лась к лестнице. – Опять затяжные прыжки с парашютом?!

Кевин, задрав голову, оценивающе посмотрел на нее. Даже такой, небритый, взъерошенный, с руками в карманах, он выглядел божественно.

Ну пожалуйста, рыгни!

– Зачем мне прыжки? – мягко поинтересовался он. – Дэн просил меня воздержаться от них.

– Можно подумать, это вас остановит!

Бенни продолжал нажимать на педали своего горного велосипеда, не замечая ни дождя, упорно поливавшего Соловыный Лес, ни большой лужи впереди.

Молли слетела по ступенькам, отлично сознавая, что лучше бы ей не приближаться к Кевину.

– Не делайте этого! Всю ночь мела метель, а ветер до сих пор не улегся.

– Вы меня искушаете.

– Просто пытаюсь объяснить, как это опасно!

– Опасность – вдохновительница всех авантюр! Ради этого стоит рискнуть.

– Ни один самолет не поднимется в такую погоду!

Может, это и верно, только не для людей, подобных Кевину, которые способны убедить кого угодно и в чем угодно.

– Думаю, с этим трудностей не будет. Если, разумеется, я все же захочу прыгнуть.

– А я позвоню Дэну, – пригрозила Молли. – Ему наверняка будет интересно услышать, как тяжело вы переживаете

наказание.

– Я уже боюсь, – ехидно протянул Кевин. – Готов поклясться, в школе вы были одной из тех прилипал, которые всегда доносили учителям о проделках мальчишек.

– Я пошла в школу в пятнадцать, поэтому упустила массу подобных возможностей!

– Ну да, совсем забыл, что вы из богатеньких.

– Богатое, избалованное и к тому же изнеженное существо, – подтвердила она. – А как насчет вас?

Возможно, если отвлечь его, он забудет о прыжках?

– Средний класс, и, конечно, не избалован.

Он все еще не успокоился, и Молли лихорадочно пыталась найти тему для разговора. Случайно взглянув на журнальный столик, она заметила две книжки, которых там раньше не было. На обложке первой она увидела имя Скотта Туроу. Вторая оказалась серьезным трудом из области космических исследований.

– Вы умеете читать?!

Уголки губ Кевина дернулись.

– Я читаю, только если не удастся упросить кого-нибудь заняться этим вместо меня, – буркнул он, устраиваясь на длинном диване.

– Очень смешно, – передернула плечами Молли, садясь на противоположный конец.

Только что сделанное открытие отнюдь не улучшило ее настроения. Ру подобрался ближе, готовый грудью встать на

защиту хозяйки, если Кевину вздумается вновь наброситься на нее.

– Ладно, признаю, что вы не настолько интеллектуально... ограничены, как кажется.

– Позвольте мне сделать заявление для прессы. Они тоже обрадуются.

Ничего, сейчас она ему покажет!

– Но в таком случае почему вы делаете глупость за глупостью?!

– О чем это вы? Не понимаю.

– Ну... скажем, затяжные прыжки, прыжки на лыжах с вертолета, гонки по пересеченной местности после сборов.

– Похоже, вы немало успели узнать обо мне.

– Ничего личного. Просто вы часть семейного бизнеса, и не самая ничтожная. Кроме того, все в Чикаго знают о ваших проделках.

– Репортеры вечно поднимают шум из-за пустяков.

– Я бы не назвала это пустяками! – фыркнула Молли. – Не понимаю. Вы всегда были образцом для спортсменов-профессионалов. Не пьете за рулем, не бьете женщин. Первым являетесь на тренировки и последним уходите. Ни скандалов, ни пирушек, ни наркотиков. И вдруг такой сдвиг по фазе!

– Никакого сдвига.

– А как еще это можно назвать?

Кевин, склонив голову набок, с подозрением прищурился:

– Так вас послали шпионить за мной?

Молли рассмеялась, хотя это несколько портило ее имидж богатой сучки.

– Уж поверьте, я последняя из тех, кому доверят столь ответственное поручение. Я в этой семейке считаюсь синим чулком. – И, перекрестившись, добавила: – Ей-богу, Кевин, чтоб мне пропасть, если выдам вас. Поведайте, что вы задумали?

– Люблю иногда разогреть кровь и не вижу в этом ничего плохого.

Но Молли не успокоилась:

– Разве вашим приятельницам все равно, что с вами будет?

– Если хотите что-то узнать о моей интимной жизни, так и скажите. По крайней мере доставите мне удовольствие посоветовать вам не совать нос в чужие дела.

– Зачем мне подробности вашей интимной жизни?

– Вот и мне интересно – зачем?

Молли окинула его мрачным взглядом.

– Просто гадала, где вы находите своих дам? Выписываете по каталогу? Или шарите в Интернете? Я слышала, что есть фирмы, специализирующиеся на помощи одиноким американцам. Ищут им партнерш за границей. Видимо, сами они, бедняги, не в силах справиться. Да-да, я видела такие снимки. «Двадцатилетняя русская красавица. Играет классику на фортепьяно в голом виде, в свободное время пишет эроти-

ческие романы, жаждет включить в свой репертуар „Янки Дудль“».

К сожалению, вместо того чтобы оскорбиться, Кевин рас- смеялся:

– Я встречаюсь и с американками тоже.

– Готова поклясться, последние в печальном меньшин- стве.

– Вам никто не говорил, что вы чересчур пронырливы?

– Я писатель. Любопытство – профессиональное каче- ство. – Молли перешла в атаку: – Расскажите о своей семье.

– Рассказывать почти нечего. Я – эс-эс.

Сукин сын? Скользкий слизняк?

Кевин ухмыльнулся и водрузил ноги на журнальный сто- лик.

– Сын священника. В четвертом поколении, в зависимо- сти от чего считать.

– О да, я, кажется, читала. Значит, в четвертом поколе- нии?

– Мой отец был методистским священником, сыном мето- дистского священника, а тот, в свою очередь, был внуком од- ного из старых методистских бродячих проповедников, что несли слово Божие в самые глухие уголки нашей страны.

– Так вот почему в ваших жилах течет столь буйная кровь! Гены прадеда-миссионера.

– Уж конечно, не папаши. Потрясный был парень, но рис- ковым малым его не назовешь. Типичный кабинетный уче-

ный. Совсем как вы. Разве что повежливее, — усмехнулся Кевин.

Молли предпочла пропустить ехидный намек мимо ушей.

— Его уже нет в живых?

— Умер лет шесть назад. Ему был пятьдесят один год, когда я родился.

— А ваша мать?

— Ушла в мир иной полтора года назад. Она тоже была немолода. Буквально глотала книги, была председателем исторического общества. Увлекалась генеалогией. Помню, с каким нетерпением родители ждали лета. Эти месяцы были лучшими в их жизни.

— Загорали на багамских пляжах в чем мать родила?

— Не совсем, — покачал головой Кевин. — Мы все отправлялись в летний лагерь методистской церкви в северном Мичигане. Он принадлежал моей семье испокон века.

— Ваша семья владела летним лагерем?

— Да, с маленькими домиками и большой старой деревянной молельней, в которой проходили службы. Мне приходилось проводить там все каникулы, пока не исполнилось пятнадцать, а потом я взбунтовался.

— Должно быть, они не раз гадали, каким образом им удалось зачать такого сына.

— Не то слово, — вздохнул Кевин. — А как насчет вас?

— Я сирота, — небрежно, как всегда в таких случаях, бросила Молли, хотя в горле застрял комок.

– Мне казалось, что Берт женился исключительно на шоу-герлз, – усмехнулся Кевин, но, судя по тому, с каким видом перевел взгляд с ярко-алых лохм на весьма скромную грудь, вряд ли он поверил, что в ее генетическом фонде переливается мишура и сверкают бисер с блестками.

– Моя мать была хористкой в «Сэндз». Она стала третьей женой Берта. Погибла, когда мне было два года. Летела на курорт отпраздновать развод.

– У вас с Фэб разные матери?

– Разные. Мать Фэб была его первой женой, хористка во «Фламинго».

– Я никогда не встречался с Бертом Сомервилем, но, судя по слухам, человеком он был нелегким.

– К счастью, он отправил меня в пансион, едва мне исполнилось пять лет. До этого в доме постоянно сменялись хорошенькие няни.

– Интересно.

Он спустил ноги со столика и нацепил на нос темные очки от Рево в серебряной оправе. Молли вздохнула. Двести семьдесят долларов в «Маршалл Филдз».

Дафна примерила темные очки, выпавшие из кармана Бенни, и наклонилась, чтобы полюбоваться своим отражением в пруду. Parfait! ⁵ (Она была уверена, что французский лучше всего подходит для описания ее внешности.)

---

⁵ Идеально! (фр.)

– Эй! – окликнул сзади Бенни.

Плюх! Очки соскользнули с носа прямо в воду.

Кевин поднялся с дивана – гибко, одним движением, словно наполняя комнату неукротимой энергией.

– Куда вы? – полюбопытствовала Молли.

– Прогуляюсь немного. Глотну свежего воздуха.

– Далеко собрались?

Кевин снял очки, щелкнул дужками.

– Приятно потолковать с вами, но, думаю, с меня пока хватит расспросов руководства.

– Я уже объясняла, что не имею никакого отношения к руководству.

– А доля в «Старз»? Это автоматически ставит вас в ранг начальства.

– Ладно, не буду спорить. Руководство желает знать, куда вас несет.

– Кататься на лыжах. Какие-то проблемы?

Еще нет, но будут.

– В округе только одна альпийская лыжня. Спуск высотой всего сто двадцать футов. Что такое сто двадцать футов для храбреца вроде вас? Раз плюнуть.

– Черт!

Молли поспешно скрыла улыбку.

– Значит, похожу по равнине, – решил он. – Я слышал, что здесь есть трассы мирового класса.

– Снегу слишком мало.

– Значит, поищу аэродром! – бросил он, метнувшись к шкафу.

– Нет! Лучше отправимся... отправимся в поход!

– В поход? – переспросил Кевин с таким видом, словно она предложила ему полюбоваться на птичек.

Молли лихорадочно соображала, что сказать.

– Знаете, в скалах есть узкая и очень опасная тропа. Ее закрывают, когда начинается ветер или хотя бы слабый снежок, но я знаю, как пробраться к ней в обход. Правда, советую хорошенько подумать, прежде чем согласиться. Тропа узкая, обледеневшая – если оступиться, то можно полететь вниз и разбиться.

– Сочиняете.

– У меня не такое богатое воображение.

– Вы писательница.

– Детские книги. Никакого насилия. Но если хотите стоять здесь и болтать все утро – дело ваше. Я, пожалуй, отправлюсь одна. Небольшое приключение не помешает.

Ей, кажется, удалось привлечь его внимание.

– Ну что ж, тогда в путь.

Они прекрасно провели время, хотя Молли так и не сумела отыскать обещанную опасную тропу – может, потому, что в самом деле все придумала. На вершине скалы, куда им удалось взобраться, было холодно и ветрено, однако Кевин не жаловался. Он попытался взять ее за руку в особен-

но скользком месте, но Молли, пронзив футболиста презрительным взглядом, посоветовала ему заботиться о себе, поскольку она не собиралась спасать его каждый раз, когда он станет пугаться любой наледи.

Кевин рассмеялся и вскочил на груды скользких камней. При виде гиганта, стоявшего лицом к серой воде с гордо откинутой головой и взъерошенными ветром русыми волосами, она ощутила странное волнение.

Молли даже забыла о твердом намерении всячески высмеивать его, и оба веселились от души. К тому времени как они вернулись домой, ее зубы стучали от холода, хотя все потайные женские местечки горели, словно обожженные.

Кевин сбросил пальто и потер ладони.

– Неплохо бы воспользоваться горячей ванной.

Неплохо бы воспользоваться его горячим телом...

– Ради Бога. А мне нужно работать.

Почти бегом направляясь к мансарде, Молли вспомнила, как Фэб однажды сказала ей: «Когда растешь в таком окружении, как мы, Молл, оголтелый секс кажется чем-то вроде змеиной ямы. Нам нужна настоящая любовь, верная и искренняя, и готова поклясться, что, прыгая из постели в постель, такой не встретишь».

Хотя Молли никогда не прыгала из постели в постель, она все же признавала правоту сестры. К сожалению, она, здоровая двадцатисемилетняя женщина с нормальными физическими потребностями, до сих пор не нашла настоящей люб-

ви. И что же тут поделывать? Вот если бы во время их прогулки Кевин выказал себя пошлым ничтожеством... Но он ни разу не заговорил о футболе. Они беседовали о книгах, жизни в Чикаго и рок-музыке.

Так и не сумев сосредоточиться на Дафне, Молли придвинула компьютер, чтобы поработать над статьей «Петтинг и осторожность: далеко ли позволишь себе зайти?». Но эта тема навевала еще большую тоску.

К концу первого года учебы в колледже она до смерти устала ожидать пришествия Великой Страсти и решила забыть о чистой любви и довольствоваться искренней симпатией к парню, с которым встречалась несколько месяцев. Но потеря девственности обернулась ошибкой. Молли почти возненавидела беднягу и поняла, насколько была права Фэб – она не создана для случайных связей.

Пару лет спустя она убедила себя, будто достаточно неравнодушна к мужчине, чтобы попытаться снова. Он оказался умным, тонким и очаровательным, но мучительная грусть не покидала ее, пока продолжался их роман, и ушла лишь много недель спустя.

С тех пор у нее было много друзей-мужчин. Именно друзей, а не любовников, и Молли сделала все, чтобы сублимировать сексуальные порывы, усиленно работая и общаясь с приятелями. Пусть целомудрие теперь не в моде, но секс казался эмоциональной трясинной для женщины, до пятнадцати лет вообще не знавшей любви. Так почему она все еще

думает об этом?

Да потому что она всего-навсего человек из плоти и крови, а защитник «Старз» – профессиональный соблазнитель, сплошное искушение.

Молли застонала, с ненавистью взглянула на компьютер и вынудила себя приступить к делу.

В пять она услышала стук захлопнувшейся входной двери. К семи статья была почти готова. К сожалению, тема вызвала в ней не только раздражение. Ощущая острое возбуждение, Молли снова позвонила Джанин, но подруги не оказалось дома. Она спустилась вниз и посмотрелась в кухонное зеркало. В такой час магазины уже закрыты, иначе она выбежала бы за краской для волос. Может, просто остричься под «ежик», как два года назад? Ей это даже шло, значит, попробовать не мешает...

Она лжет себе. Ужаснее той стрижки только этот красный цвет волос.

Молли схватила диетический хлеб, сделала бутерброд, с жадностью его сжевала, а потом принялась выуживать зефиринки из картонки с мороженым «Роки-роуд». Наконец она схватила альбом и устроилась перед камином. Но сказалась бессонная ночь, и вскоре ее веки потяжелели...

Разбудило ее появление Кевина. Молли вскочила с растерянным видом.

– Привет, Дафна.

– Привет, Кей, – пробормотала она, потирая глаза.

Кевин небрежно швырнул пальто на спинку стула. От пальто несло духами.

— Эту штуку нужно проветрить.

— Вероятно.

Ревность буквально раздирала ее. Пока она мечтала, представляя тело Кевина и мучаясь от неразделенной страсти, он... Впрочем, она упустила из виду одно обстоятельство: он абсолютно к ней равнодушен.

— Должно быть, вам нелегко пришлось. Судя по запаху, тут несколько марок духов. И все местные или ухитрились найти что-нибудь экзотическое?

— Ну нет, не настолько мне повезло. Все женщины, к сожалению, оказались американками и к тому же слишком много болтали.

Он сопровождал намек многозначительным взглядом, очевидно, желая подчеркнуть, что и она не очень от них отличается.

— Бьюсь об заклад, их фразы состояли исключительно из междометий, так что, вероятно, у вас и в самом деле голова разболелась.

Нужно немедленно это прекратить. Он не настолько туп, как ей хотелось бы, и, если не держать ухо востро, он в два счета поймет, насколько она в действительности интересуется его личной жизнью.

Но Кевин выглядел не столько злым, сколько раздраженным.

– Видите ли, я люблю расслабляться в женском обществе. Терпеть не могу обсуждать политику или глобальное потепление. А еще не люблю слушать, как люди, имеющие самое поверхностное представление о личной гигиене, декламируют плохие стихи.

– Ой, правда? А ведь это мои любимые темы! До чего жаль!

Кевин покачал головой, встал и потянулся. Видимо, она ему до смерти надоела. Наверное, потому что не восхищается им, перечисляя все достижения на футбольном поле, не поет дифирамбы, не стелется перед ним.

– Пойду, пожалуй, лягу, – вздохнул он. – Завтра на расвете уезжаю, и на случай, если не увидимся, спасибо за гостеприимство.

У Молли хватило силы притворно зевнуть.

– Чао, красавчик.

И хотя она знала, что он должен ехать на тренировки, непрощенная тоска сжала сердце.

– Спокойной ночи, Дафна, – улыбнулся он.

Молли молча смотрела, как он поднимается по ступенькам. Джинсы плотно облегают ноги, липнут к бедрам, мышцы упруго перекачиваются под футболкой...

О Господи, опять она расслабилась! Она, член «Фибета-каппа»⁶!

Она мечется, страдает, не может найти покоя и до безумия

---

⁶ Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей.

недовольна собственной жизнью.

– Будь все проклято! – взывала Молли и, столкнув альбом на пол, кинулась в ванную, где в отчаянии уставилась на свои волосы. Сейчас она возьмет бритву и...

Нет! До такого она не дойдет! И не желает быть лысой!

Вернувшись в гостиную, Молли решительно подошла к видео-центру и вытащила кассету с римейком «Ловушки для родителей». Ребенок, по-прежнему продолжавший жить в ее душе, обожал историю о близнецах, помиливших разведенных родителей. Кроме того, она с поистине детским восхищением любовалась чуть кривоватой улыбкой Денниса Куэйда.

Такой же, как у Кевина Такера.

Тяжело вздохнув, Молли вынула из видеомэгнитофона кассету с записью игры, вставила свою и улеглась на диван.

К двум часам ночи Холли и Энни наконец воссоединили заблудших предков, но Молли еще больше расстроилась и не находила себе места. Она стала перебирать записи старых фильмов и коммерческих роликов, но вдруг замерла, услышав знакомую мелодию. Тема когда-то любимого ею сериала «Лейс инкорпорейтед»!

«„Лейс“ решит ваши проблемы, да, да, да... „Лейс“ поможет непременно, да-да-да...»

На экране появились две роскошные сексапильные красотки, неотразимые детективы Сейбл Джейк и Джинджер Хилл.

Как она увлекалась этим сериалом в детстве! Как хотела стать похожей на остроумную брюнетку Сейбл, которую играла Мэллори Маккой! А Джинджер! Потрясающая секс-бомба, непобедимый мастер карате! Конечно, шоу было достаточно пикантным, если не сказать больше, но какая теперь разница! Молли все равно! Приятно знать, что женщины иногда удается скрутить плохиша в бараний рог, пусть только на экране.

В титрах первой шла Мэллори Маккой, а за ней Лили Шерман, игравшая Джинджер Хилл. Молли насторожилась, вспомнив обрывок разговора, подслушанный когда-то в офисе «Старз», из которого следовало, что Лили Шерман каким-то образом была связана с Кевином. Молли, разумеется, не хотела, чтобы кто-то догадался о ее интересе к Кевину, и не посмела расспросить подробнее. Зато теперь представилась возможность как следует рассмотреть актрису.

На Лили были знаменитые облегающие джинсы, топ без бретелек и туфли на высоченных шпильках. Длинные рыжие завитки раскинулись по плечам, густо подведенные глаза зазывно смотрели в камеру. Даже сверхмодная прическа и огромные золотые кольца в ушах ее не портили. Ослепительна!

Должно быть, сейчас Шерман около сорока. Немного старовата для Кевина, так что же их связывает? Несколько лет назад Молли видела снимок актрисы. Похоже, после окончания съемок сериала она располнела, хотя по-прежнему была

привлекательна, обладая зрелой чувственной красотой. Возможно, у них и был мимолетный роман.

Молли нервно нажала на кнопку пульта и переключила канал. На экране возникла реклама косметики. Может, именно такой, что ей нужна, – полное преобразование.

Не выдержав напряжения, она выключила телевизор и побрела наверх. Вряд ли полное преобразование лечит душевные муки.

После горячего душа она накинула рубашку из ирландского льна, купленную еще во времена роскоши и богатства. В ней Молли чувствовала себя героиней романа Джорджетт Хейер. Она захватила в постель блокнот, чтобы немного поработать над «Дафной», но вдохновение, посетившее ее днем, уже исчезло.

Ру тихо похрапывал у изножья кровати. Молли твердила себе, что хочет спать, хотя сна не было ни в одном глазу.

Может, лучше отшлифовать статью?

Проходя по коридору со своим ноутбуком, она не удержалась и заглянула в гостевую ванную. В ней было две двери: одна, у которой сейчас стояла Молли, и вторая – напротив первой, ведущая прямоком в спальню, где ночевал Кевин. Дверь была чуть приоткрыта.

Неугомонные, непослушные ноги сами понесли ее туда.

На полочке у зеркала лежал дорогой бритвенный прибор от Лоис Вуттон. Вряд ли Кевин разорился бы на такой. Скорее всего это подарок от одной из его мировых красоток.

Подойдя ближе, она увидела красную зубную щетку с жесткой белой щетиной. Он даже завинтил крышечку на тюбике пасты «Аквафреш».

Молли нежно погладила кончиками пальцев флакон дезодоранта, потянулась за матовой стеклянной бутылочкой изысканного лосьона после бритья, сняла крышечку и поднесла к носу. Пахнет ли он Кевином? Он не из тех мужчин, которые буквально тонут в волнах одеколона, но знакомый запах заставил ее прикрыть глаза и вдохнуть глубже. Пытаясь унять дрожь в руках, Молли вернула крышечку на место и заглянула в открытый несессер. Рядом с пузырьком ибупрофена и тюбиком неоспорина лежало кольцо Кевина, награда чемпионам Суперкубка. Молли знала, что Такер получил кольцо в самом начале спортивной карьеры, как дублер Кэла Боннера, и ее поразило легкомыслие, с которым он швырнул такую драгоценность в несессер. Правда, судя по тому, что она знает о Кевине, он просто не желает носить кольцо, полученное за чьей-то спиной. Что ни говори, а в той игре ведущим был не он.

Молли уже хотела отойти, когда заметила рядом с кольцом какой-то пакетик.

Презерватив.

Ну и что же? Подумаешь! Разумеется, у него всегда при себе презервативы, чего еще ожидать? Должно быть, покупает их коробками!

Молли подняла пакетик. Рассмотрела. Обычный презер-

ватив. Почему же она не может оторвать от него глаз?

Настоящее безумие! Весь день она вела себя как одержимая. Если не возьмет себя в руки, то начнет бросаться на людей и тогда уж точно попадет в психушку. Или, как ненормальная героиня Гленн Клоуз, начнет бросать живых кроликов в кипяток ⁷.

Молли мучительно поморщилась. Прости, Дафна.

Один взгляд. Всего один взгляд. Она только посмотрит на него спящего и немедленно уйдет.

Молли шагнула к двери спальни и осторожно потянула ручку.

---

⁷ Имеется в виду сцена из кинофильма «Роковая страсть». За роль, сыгранную в этой ленте, американская актриса Гленн Клоуз получила «Оскара».

Глава 3

*Поздно ночью Дафна прокралась в нору Барсука
Бенни, нацепив жуткую маску из тыквы...
Дафна сажает тыквы*

В тонком клинышке света, падавшем из коридора на ковер, Молли с трудом рассмотрела неподвижную фигуру на кровати. Сердце от возбуждения бухало паровым молотом. Она нерешительно шагнула через порог, подстегиваемая той же опасной силой, что подстрекнула ее в семнадцать лет включить пожарную сигнализацию. Молли придвинулась ближе. Всего один взгляд – и она уберется.

Кевин лежал на боку, спиной к ней, мерно, глубоко дыша. Молли вспомнила старые вестерны: в них смелый охотник за бандитами обычно вскакивал при малейшем шуме. Она представила растрепанного Кевина, целящегося ей в живот «кольтом» сорок пятого калибра.

Придется сделать вид, что она лунатик и ходит во сне.

Кевин оставил ботинки у входа, и ей пришлось ногой отодвинуть один. Раздался тихий шорох, но Кевин не шевельнулся. Молли оттолкнула другой – все спокойно. Вот тебе и «кольт» сорок пятого калибра!

Ее ладони вспотели. Она вытерла их о брюки – и тут налетела на край кровати.

Кевин спал как убитый.

Теперь, когда она увидела его спящим, пора смываться.

Она пыталась. Честно пыталась, однако ноги понесли ее к той стороне кровати, откуда она могла заглянуть ему в лицо.

Эндрю спал точно так же. Рядом хоть петарды взрывай, а племянник не шелохнется. Только вот Кевин Такер совсем не похож на Эндрю.

Молли пожирала глазами точеный профиль: широкий лоб, угловатые скулы, идеально прямой нос. Конечно, как футбольный игрок, Кевин не раз ломал нос, но ему повезло: следов переломов не видно.

Что она творит?! Нельзя же бессовестно лезть к человеку!

Но рука так и тянулась пригладить взъерошенные русые волосы.

Из-под одеяла показалось скульптурно вылепленное мускулистое плечо. Молли ужасно захотелось его лизнуть.

Ну вот, окончательно спятила! Ну и наплевать!

Она с удивлением обнаружила, что зажала в ладони презерватив. А ведь, судя по всему, Кевин обнажен. Что, если забраться под одеяло?

Немыслимо!

Но кто узнает? Он наверняка не проснется. А если?

Ну и что? Неужели он кому-то проболтается, что развлекался с сексуально озабоченной сестричкой босса?

Сердце колотилось так сильно, что кружилась голова. Неужели она решится на это?

Но ведь потом не будет ни раскаяния, ни сожалений. Никаких эмоций. Она не лелеет никаких надежд на чистую, настоящую любовь. И ей все равно, что он подумает о ней. В конце концов, Кевин привык, что женщины вешаются ему на шею, так что вряд ли удивится еще одной атаке.

Перед глазами вдруг возникла пожарная сигнализация. Прямо на стене. Молли строго-настрого приказала себе не прикасаться к кнопке. Но пальцы прямо-таки зудели. Сила воли таяла, как масло на огне. Молли ужасно устала метаться, обуздывать неугомонные ноги. Устала уродовать свои волосы, потому что не знала, как справиться с собой. Она сыта по горло многолетними усилиями приблизиться к идеалу. Кожа повлажнела от желания и ужаса, розовые шлепанцы будто сами собой отлетели в сторону.

Немедленно надень!

Но она не надела. В голове завывала пожарная сирена.

Молли потянулась к подолу ночной рубашки... стащила ее через голову... осталась обнаженной и задрожала то ли от холода, то ли от страха. И потрясенно наблюдала, как ее пальцы вцепились в одеяло и потянули.

Даже когда одеяло сползло, она продолжала убеждать себя, что не сделает этого. Но груди уже знакомо пульсировали, а тело томилось от желания.

Она осторожно присела на матрас и медленно сунула ноги под одеяло. О Боже, она сошла с ума! Полезла в чем мать родила в постель к Кевину Такеру!

Такер же в этот момент тихо всхрипнул и перевернулся на другой бок, утащив с собой почти все одеяло. Глядя на его широкоую спину, Молли подумала, что еще может незаметно удалиться. Немедленно убраться из его постели.

Но она не ушла, а приникла к Кевину, прижавшись грудью к его спине, вдыхая божественный мужской запах. Знакомый мускусный аромат лосьона после бритья. Ах, как давно она не лежала рядом с мужчиной!

Кевин пошевелился, дернулся, сонно что-то пробормотал. Вой сирены стал оглушительным.

Молли обняла его и осторожно погладила грудь.

«Всего минуту, – повторяла она себе. – Одну минуту – и я уйду».

Кевин ощутил обжигающее прикосновение. Опять проделки Кати, бывшей подружки. Он стоял в гараже, рядом со своей первой машиной, и Эрик Клэптон учил играть его на гитаре. Но вместо гитары Кевин почему-то сжимал в руках грабли. Не зная, что делать, он поднял глаза, но Эрик уже исчез. Кевин внезапно оказался в какой-то странной комнате с бревенчатыми стенами, а рядом лежала Катя.

Катя все гладила и гладила его грудь, и он не сразу сообразил, что она голая. Кевин мгновенно забыл об Эрике. Кровь прилила к паху, а в голове помутилось.

Прошла целая вечность после того, как он порвал с Катей, но сейчас умирал от желания. У нее было дурное пристра-

стие к дешевым духам. Слишком сильным. Слишком навязчивым. Конечно, глупо из-за этого расставаться с женщиной, тем более что сейчас она благоухала, как булочки с корицей.

Изумительный аромат. Чувственный. Манящий. Его бросило в пот. Он уже не помнил, когда так заводился от нее. Даже странно. Катя? Ни малейшего чувства юмора. Привычка часами наводить красоту. Но сейчас он невыносимо хотел ее. Прямо сейчас.

Он повернулся к ней. Стиснул попку. На ощупь она немного другая. Свежее. Более пухленькая. Есть что потрогать.

Его трясло от возбуждения, а она так хорошо пахла. Теперь уже апельсинами. И груди... Полные, мягкие, теплые – настоящие сочные апельсины. Нежные губы прижаты к его губам, а руки гладят, ласкают, чуть пощипывают. Медленно спускаются вниз, к его истомившемуся «петушку».

Кевин застонал, жадно вдыхая горьковатый женский запах и понимая, что долго не продержится. Пальцы плохо повиновались ему, но хотелось проверить, готова ли она.

Готова? Настоящий густой мед!

Стиснув зубы, Кевин навалился на нее. Толкнулся внутрь. С большим трудом. Уж слишком она тесная. Странно...

Сонная одурь постепенно рассеивалась. Уходила. Но похоти с собой не унесла. Он горел как в жару. Аромат мыла, шампуня и женщины воспламенял его. Он вонзался в нее снова и снова, глубоко, еще глубже, еще... и... Набрякшие

веки с трудом приоткрылись...

Что?! Может, он еще не проснулся?

Кевин не верил глазам – под ним лежала Дафна Сомер-виль!

Он попытался сказать что-то, но язык словно прирос к нёбу. Кровь била в виски, сердце выпрыгивало из груди. В ушах стоял непрерывный гул.

Он взорвался.

А Молли показалось, что она вся заледенела.

Нет! Не сейчас!

Она почувствовала его содрогания. Тяжелое тело придавило ее к матрасу. Рассудок вернулся к ней. Слишком поздно.

Кевин обмяк и замер.

Все кончено. *Уже!*

И она даже не имеет права заклеить его званием худшего любовника во всей истории, поскольку получила именно то, что заслужила, – позор и стыд.

Кевин ошеломленно тряхнул головой, очевидно, чтобы немного прояснить мозги, отстранился и пулей вылетел из кровати.

– Какого дьявола вы здесь делаете?!

Ее так и подмывало заорать, осыпать его упреками, выплеснуть свое разочарование, но кого винить, кроме себя? Ее снова поймали на месте преступления, только теперь ничего не спишешь на возраст. Ей больше не семнадцать лет.

Молли чувствовала себя старой и никому не нужной. Щеки горели от унижения. Доигралась!

– Л-лунатизм... – пробормотала она. – Я хожу во сне...

– Во сне? Черта лысого!

Окинув ее презрительным взглядом, он направился в ванную.

– Посмейте только с места сдвинуться!

Слишком поздно она припомнила, что у Кевина репутация злопамятного человека. Именно из-за этого прошлогодняя переигровка со «Стилерзами» обернулась кровавой баней, а два года назад он схватился с полузащитником «Викингов», настоящим человеком-горой, и вышел победителем.

Молли сползла с постели и принялась лихорадочно разыскивать ночную рубашку.

Из ванной неслись ругательства. Одно непристойнее другого.

Молли в жизни не слышала ничего подобного.

Бешеный вихрь снова влетел в спальню. Голый вихрь.

– И где, спрашивается, вы раздобыли этот чертов гондон?

– В вашем... вашем бритвенном приборе.

Она наконец заметила ночную рубашку, подхватила с пола и прижала к груди.

– Моего... – Он ринулся обратно в ванную. – Вы стянули его из бритвенного прибора... дьявол!

– Это... вышло случайно. Со мной такое бывает. Когда

ходишь во сне...

Она попятилась к порогу, но Кевин в два прыжка пересек комнату и, схватив Молли за плечи, хорошенько тряхнул.

– Да знаете ли вы, сколько эта штука там находилась?...

К сожалению, не слишком долго.

Но тут она поняла, что он имеет в виду презерватив.

– Что вы хотите этим сказать?

Он отнял руки и ткнул пальцем в сторону ванной.

– Хочу сказать, что он валялся там целую вечность и теперь порвался!

Прошло секунды три, прежде чем до нее дошел смысл его слов. Потом колени подогнулись и она рухнула на ближайший стул.

– Ну? – рявкнул он.

Постепенно ее мозг начал функционировать, правда, не слишком активно.

– Насчет этого не волнуйтесь.

Слишком поздно она ощутила подозрительную влагу между бедрами.

– У меня безопасный период.

– Безопасных периодов не бывает! – раздраженно бросил он, нажимая кнопку торшера.

– У меня бывает. Все точно, как по часам.

Она не собиралась обсуждать с ним свои женские проблемы и быстро прикрылась рубашкой. Как бы поскорее натянуть ее, привлекая его внимания?

Но похоже, Кевин не замечал ни ее, ни своей наготы.

– С чего это вы сунули нос в мой бритвенный прибор?

– Он... видите ли... он был открыт, я случайно заглянула, и... – Молли неловко откашлялась. – Если презерватив был таким старым, почему не выбросили?

– Забыл! Совершенно о нем забыл.

– Что за глупость!

Зеленые, цвета футбольного покрытия, глаза яростно блеснули. Если бы взгляд мог убивать, она упала бы замертво.

– Пытаетесь свалить вину на меня?

Молли со всхлипом вздохнула.

– Нет. Конечно, нет.

Пора перестать прятать голову в песок. Настало время получить все, что заслужила.

Молли встала и дрожащими руками натянула рубашку.

– Мне ужасно жаль, Кевин. Правда. Последнее время я сама не знаю, что творю.

– Должен сказать, Америки вы мне не открыли.

– Простите. Мне очень стыдно. Нет, «стыдно» – не то слово. Я умираю от позора. Глаз поднять не могу. Я... надеюсь, вы забудете обо всем.

– Вряд ли, – прошипел Кевин и, подняв с пола темно-зеленые трусы, стал их натягивать.

– Мне ужасно жаль, – повторила Молли.

Что ж, она сама навлекла позор на свою голову. Ей ниче-

го не оставалось, кроме как униженно молить о прощении, а поскольку это не помогало, вероятно, стоило вернуться к роли пресыщенной наследницы, привыкшей добиваться своего любой ценой.

– Видите ли, по правде говоря, мне было скучно, а вы оказались под рукой. Вероятно, всему причиной ваша репутация плейбоя. Не думала, что вы станете возражать.

– Я оказался под рукой?!

Атмосфера накалилась так, что, казалось, даже воздух потрескивал.

– Ну так вот, давайте немного поразмыслим. Что случилось бы, окажись ситуация прямо противоположной?

– Не понимаю, о чем вы.

– Представьте, как можно охарактеризовать ситуацию, при которой мне вздумалось бы залезть в постель к вам, спящей женщине!

– Это... – пробормотала Молли, нервно теребя ткань, – да, теперь ясно, что вы хотели...

Глаза Кевина превратились в щелки.

– Всякий назвал бы это насилием, – зловеще закончил он.

– Вы действительно считаете, что я изнасиловала вас?

– Конечно, – холодно бросил он.

– Но это смешно! Вы... вы не сопротивлялись!

– Только потому, что спал и принял вас за другую.

А вот это больно. Ужасно больно.

– Понимаю.

Но Кевин не намеревался отступить. Его подбородок упрямо выдвинулся вперед, кулаки сжались.

– Вопреки сплетням я не тащу в постель кого попало. И обычно стараюсь как следует узнать женщину, прежде чем переспать с ней. И никому не позволяю себя использовать.

А она воспользовалась беспомощностью спящего человека. Молли хотелось плакать.

– Извините меня, Кевин. Мы оба знаем, что мой поступок непростителен. Давайте забудем об этом.

– Боюсь, у меня не слишком широкий выбор, – процедил он. – Кроме того, я не хотел бы прочитать об этом в «желтой» прессе.

Молли попятилась к двери.

– Надеюсь, вы понимаете, что я никому ничего не скажу.

Он с отвращением уставился на нее.

Лицо Молли жалко сморщилось.

– Я... мне очень жаль. В жизни ни о чем так не сожалела. Правда.

Глава 4

Дафна спрыгнула со своего скейтборда и присела в высокой траве, чтобы получше разглядеть гнездышко.

*Дафна находит крошку-крольчишку
(предварительные наброски)*

Кевин снова впрыгнул в блокируемую зону. Шестьдесят пять тысяч вопящих, беснующихся болельщиков вскакивали, размахивали руками, свистели, но его глухим коконом окружало абсолютное безмолвие. Он не думал ни о болельщиках, ни о телекамерах, ни о комментаторах. Все его мысли были о том, ради чего он появился на свет. Об игре, изобретенной специально для него.

Лион Типпет, его любимый принимающий, prošил беспорядочную толпу соперников и оторвался от толпы, готовясь к тому сладостному мгновению, когда Кевин влест мяч ему в ладони.

Но тут комбинация едва не сорвалась. Неизвестно откуда возникли нападающие, готовясь перехватить пас.

В крови Кевина запел, забушевал адреналин. Схватка завязалась слишком далеко от него. Лион нейтрализован. Срочно нужен другой принимающий, но Джамала сбили, а Стабса пасли сразу двое.

Бриггс и Вашингтон прорвали оборону «Старз» и неумо-

лимо надвинулись на него. Те же огнедышащие драконы, в обличье защитников «Темпа-Бей», вывихнули ему плечо в прошлом году, но Кевин не собирался расставаться с мячом. С той привычной бесшабашностью, что доставила ему за последнее время столько бед, он посмотрел налево и... сделал резкий, слепой, безумный бросок вправо. Ему необходима брешь в сплошной цепи белых фуфаек. Он *приказывал* ей появиться. И она появилась.

С гибкой, почти звериной ловкостью, ставшей уже легендарной, он вывернулся и ускользнул. Огромные лапы Бриггса схватили воздух. Вашингтон на мгновение растерялся. Кевин развернулся и стряхнул третьего защитника, тяжелее его на восемьдесят фунтов.

Еще бросок. Что-то вроде джиттербага ⁸. И он набрал скорость.

За пределами поля он был настоящим гигантом: рост шесть футов два дюйма и сто девяносто три фунта сплошных мышц, но здесь, на земле мутантов-великанов, казался маленьким, грациозным и невероятно быстрым. Лампы в стеклянном куполе превращали его позолоченный шлем в искрометный метеор, а форму цвета морской волны – в знамя, сотканное на небесах. Воплощенная в жизнь поэма. Отмеченный Богом, благословен он среди людей.

Кевин пронес мяч через линию ворот.

Когда судья зафиксировал проводку мяча, Кевин все еще

---

⁸ Быстрый танец с резкими па.

оставался на ногах.

Победу праздновали у Кинни. Не успел Кевин переступить порог, как женщины буквально набросились на него:

– Потрясающая игра, Кевин!

– Кевин, *querido*⁹, сюда!

– Ты был великолепен! Я охрипла от крика!

– Ты в самом деле возбудился, когда пронес мяч? Ну конечно, Господи, но что при этом ощущал?

– *Felicitación!*¹⁰

– Кевин, *chèri!*¹¹

Кевин, включив свое знаменитое обаяние на всю мощь, сыпал улыбками налево и направо, осторожно высвобождаясь из цепких рук.

– Твой тип женщины – молчаливая красавица, – заметила как-то жена его лучшего друга. – Но большинство женщин – болтушки, поэтому ты и якшаешься с иностранными кошечками, которые по-английски и двух слов связать не могут. Классический случай стремления избежать какой бы то ни было духовной близости.

Кевин с ленивой дерзостью оглядел собеседницу.

– Неужели? Позвольте заверить, доктор Джейн Дарлингтон Боннер, что с вами я готов на близость в любую минуту,

---

⁹ дорогой (*исп.*).

¹⁰ Поздравляю! (*исп.*)

¹¹ дорогой (*фр.*).

как только пожелаете.

– Только через мой труп, – вмешался ее муж Кэл, подав голос с другого конца стола.

Несмотря на то что Кэл считался его лучшим другом, Кевин не упускал случая поддеть приятеля. Так повелось с того времени, когда он был обиженным на весь мир дублером старика. Теперь Кэл ушел на покой, поступил в ординатуру отделения внутренних болезней клиники в Северной Каролине.

Вот и сейчас Кевин не задумался пустить отравленную стрелу.

– Это вопрос принципа, старина. Иначе как доказать свою правоту?

– Доказывай как хочешь, только со своей женщиной, а мою оставь в покое.

Джейн рассмеялась, подошла к мужу, поцеловала, попутно дала Розе, своей дочурке, салфетку и подхватила на руки малыша Тайлера. Кевин улыбнулся, вспомнив реакцию Кэла, когда он спросил о длинных математических выражениях, до сих пор украшавших пеленки Тайлера.

– Все потому, что я запретил ей писать на его ногах.

– Она опять за свое?

– Да, бедный парень превратился в ходячую записную книжку. Стало лучше с тех пор, как я стал засовывать листки бумаги во все ее карманы.

Привычка славившейся рассеянностью Джейн повсюду

выводить сложные уравнения была широко известна, и Роза Боннер пожаловалась:

– Как-то она записала уравнение на моей пятке. Правда, ма? А в другой раз...

Доктор Джейн поспешно заткнула рот дочери куриной ножкой.

Кевин улыбнулся и тут же был грубо возвращен к действительности красивой француженкой, ухитрившейся перекрыть громкую музыку:

– Tu es fatigué, chéri? ¹²

Кевин, знавший несколько языков, ухитрялся скрывать это от посторонних.

– Спасибо, но я не голоден. Эй, позволь познакомить тебя со Стабсом Брейди. Думаю, у вас много общего. И Хизер... ведь ты Хизер? Мой приятель Лион весь вечер пожирает тебя глазами.

– Жара? При чем тут жара?

Определенно пора избавляться от парочки-тройки назойливых поклонниц.

Он так и не признался Джейн, насколько та была права. Но в отличие от некоторых товарищей по команде, любивших подчеркивать свою преданность игре, Кевин на самом деле все отдавал любимой работе. Не только тело, ум, но и сердце. А это невозможно, если в твою жизнь входит требовательная и капризная особа. Красивая и непритязательная

---

¹² Ты устал, дорогой? (фр.)

– вот какая ему требуется, а иностранки лучше всего подходят для легкого флирта.

Игра за «Старз» – вот что главное. Только игра. Ничего больше. Игра для него – все на свете, и он никому не позволит встать у него на пути. Ему нравилось носить форму цвета морской воды с золотом, выходить на стадион «Мидуэст спортс доум», но больше всего – работать на Фэб и Дэна Кэйлбоу. Может, это продолжение его детских грез, фантазий сына священника, но быть одним из игроков «Чикаго старз» казалось ему огромной честью.

Когда играешь за Кэйлбоу, уважение... нет, благоговение к игре куда важнее той суммы, которую ты получаешь. В «Старз» нет места ни чересчур вознесшимся звездам, ни любящим помахать кулаками грубиянам. За свою карьеру Кевин не раз видел, как владельцы расставались с блестящими игроками лишь потому, что они не соответствовали стандартам Фэб и Дэна, ценивших в людях прежде всего благородство и человечность. Кевин представить не мог себя в другой команде и собирался после ухода из спорта заняться тренерской работой.

В «Чикаго старз».

Но в этом сезоне произошли два события, грозившие поставить его мечту под удар. В одном он был виноват сам. Проклятое безрассудство, одолевшее его сразу после сборов. Он всегда любил рискнуть, но обычно сдерживал свои порывы до окончания сезона. Другим оказался ночной визит

Дафны Сомервиль в его спальню. Это хуже любых затяжных прыжков и гонок по пересеченной местности.

Обычно он всегда крепко спал, и ему уже приходилось просыпаться в самый разгар любовных игр, но до сих пор всегда сам выбирал себе партнершу. Он, вполне возможно, когда-нибудь выбрал бы и Дафну, если бы... если бы не ее родство с Кэйлбоу. Может, все дело в том, что запретный плод сладок? Но ему было удивительно хорошо с ней. Она не давала ему расслабиться, подкалывала, подшучивала, бесила, смешила, и он то и дело ловил себя на том, что украдкой наблюдает за ней. Каждое ее движение было исполнено уверенной чувственной грации, присущей очень богатым людям. И хотя фигуру Дафны нельзя назвать роскошной, она очень привлекательна, ничего не скажешь.

Но он держался на расстоянии. Что ни говори, а она сестра босса; он же никогда не сближался с женщинами, имевшими отношение к команде. Никаких тренерских дочерей, секретарш из офиса и даже кузин игроков. И несмотря на нерушимые правила и благие намерения, он попал в жуткий переплет!

При одной мысли об этом Кевин снова разозлился. У Кэйлбоу на первом месте семья. Никакой, даже ведущий, игрок не перевесит родственных связей, и если Фэб пронюхает о случившемся, непременно потребует у него объяснений.

Голос совести требовал от него позвонить Дафне. Всего разок. Убедиться, что эта история прошла без последствий.

Кевин убеждал себя, что никаких последствий нет и быть не может, не стоит волноваться из-за пустяков, особенно сейчас, когда ничто не должно отвлекать его. В воскресенье у них матч чемпионата АФК ¹³, и его игра должна быть безупречной. И тогда его заветная мечта сбудется. «Старз» выиграют Суперкубок. Он приведет команду к победе.

Но всего шесть дней спустя его мечты развеялись в прах. И винить в этом было некого, кроме себя самого.

Молли, с головой погрузившись в работу, закончила книжку «Дафна летит кувырком» в рекордно короткий срок и отправила в издательство как раз на той неделе, когда «Старз» позорно проиграли матч. Когда до конца игры оставалось пятнадцать секунд, Кевина Такера словно черт подстегнул и он очертя голову врезался в двойное прикрытие. Пас перехватили, началась свалка, и судья засчитал «Старз» полевой гол.

Молли налила себе чая, чтобы отогнать холод январского вечера, и отнесла чашку к рабочему столу. Ей давно следовало приступить к статье для «Чик», но вместо того она подхватила с дивана блокнот, чтобы набросать кое-какие идеи для новой книги – «Дафна находит крошку-крольчишку».

Не успела она присесть, как раздался звонок.

– Алло!

---

¹³ Чемпионат НФЛ разбит на две части: Американская футбольная конференция, АФК, и Национальная футбольная конференция, НФК.

– Дафна? Это Кевин Такер.

Чай выплеснулся на блюдце, и Молли забыла о необходимости дышать.

Когда-то она была без ума от этого человека. Теперь же звук его голоса пугал ее до смерти.

Молли едва не задохнулась от волнения. Поскольку он по-прежнему зовет ее Дафной, значит, никому не проговорился. Уже неплохо. Хоть бы он вообще забыл о ее существовании!

– Откуда вы узнали мой номер?

– По-моему, я вынудил вас его назвать.

Господи, у нее все вылетело из головы!

– Чем могу быть вам полезна?

– Видите ли, сезон окончен, и я уезжаю отдохнуть. Вот и хотел убедиться, что... Короче: надеюсь, все обошлось? Никаких неприятных последствий?

– Нет! Никаких! Конечно, никаких.

– Вот и хорошо, – холодно отозвался Кевин, но в его голосе прозвучало нескрываемое облегчение. Молли, сгоравшая от стыда, все же нашла способ выйти из положения.

– Иду, дорогой! – крикнула она воображаемому собеседнику.

– О, так вы не одна!

– Не одна, – сухо бросила Молли и объявила уже громче: – Я у телефона, Бенни! Сейчас приду, милый! – И тут же осеклась. Неужели не могла придумать имя получше?

Из кухни прибежал Ру – полюбопытствовать, чем занята хозяйка. Молли сильнее стиснула трубку.

– Спасибо, что позвонили, Кевин, но напрасно вы волновались.

– Ну, раз все в...

– Все чудесно, великолепно, просто идеально, но мне пора. Сожалею насчет игры. И спасибо за звонок.

Молли дрожащей рукой положила трубку и тяжело оперлась на столик.

Нелегко ей дался разговор с отцом будущего ребенка.

Ладонь легла на еще плоский живот. Она пока не до конца осмыслила произошедшее. Когда месячные не пришли в срок, она убедила себя, что всему причиной стресс. Но уже через неделю к груди стало невозможно притронуться, потом начались приступы тошноты, а два дня назад Молли наконец купила тест на беременность. Результат так потряс ее, что она ринулась в аптеку и повторила тест.

Ошибки не было – она носит ребенка Кевина Такера.

Однако первая мысль была не о Кевине, а о Фэб и Дэне. Семья была смыслом их существования, и оба помыслить не могли о том, чтобы воспитывать детей в одиночку. Известие о беременности Молли их убьет.

А Кевин? Что ж, она сделает все, чтобы он никогда ни о чем не узнал. Что ни говори, а он – невинная жертва. Молли волей-неволей придется тащить груз своего греха всю оставшуюся жизнь.

К счастью, не так трудно держать его в неведении. Сезон окончился, вряд ли они теперь встретятся, а летом, когда возобновятся тренировки, она будет держаться подальше от офиса команды. И вообще, она редко видит игроков, разве что на вечеринках у Фэб и Дэна. Рано или поздно Кевин услышит о ребенке, но после сегодняшнего звонка вряд ли что-то заподозрит: Молли постаралась убедить его, что в ее жизни появился другой.

Она уставилась в окно. Всего шесть часов вечера, а темно, как ночью.

Отвернувшись, Молли растянулась на диване.

Еще два дня назад она и не помышляла о том, чтобы стать матерью-одиночкой. И не думала о материнстве вообще. Теперь же эти мысли не оставляли ее. Тоска и внутренняя неустроенность, бывшие неотъемлемым фоном ее существования, куда-то исчезли, вытесненные неведомым до сих пор ощущением, что все стало на свои места и все идет именно так, как и должно. Наконец у нее будет своя семья.

Ру лизнул ее руку. Молли закрыла глаза и предалась мечтам. Мальчик? Девочка? Ах, какая разница! Она так любила детей сестры, что станет хорошей матерью и своему малышу. Матерью и отцом. Она сделает все, чтобы он рос здоровым и счастливым.

Ее дитя. Ее семья.

Наконец-то!

Молли с удовольствием потянулась, ощущая невырази-

мый покой в душе. Вот чего ей так не хватало все эти годы – собственной семьи. Она не помнила, когда еще была так счастлива. Даже волосы немного отросли и приобрели свой естественный темно-каштановый цвет. То, что надо.

Ру уткнулся мокрым носом ей в ладонь.

– Проголодался, приятель?

Молли поднялась и направилась было в кухню покормить верного пуделя, но телефон снова звякнул. Кровь бросилась ей в лицо. Но это оказалась Фэб.

– Мы с Дэном ездили на совещание в Лейк-Форест, и он жалуется, что умирает от голода. Не хочешь поужинать с нами в «Йошиз»?

– Еще как хочу!

– Заметано. Увидимся через полчаса.

Положив трубку, Молли нахмурилась. Только сейчас она в полной мере осознала, какой удар готовится нанести родным. Они искренне хотели для нее того же, что и для себя: глубокой, безграничной, всепоглощающей любви, такой, какая стала основой их жизни. Но ведь далеко не всем так везет, как Фэб и Дэну!

Поежившись, Молли натянула свой поношенный свитер и узкую черную юбку до щиколоток, купленную со скидкой в «Филдс». Звонок Кевина вывел ее из себя, и, чтобы успокоиться, она включила телевизор. Последнее время у Молли вошло в привычку смотреть повтор любимого сериала. Он будил в ней ностальгические чувства. Воспоминания о

немногих счастливых моментах ее детства.

Она все еще думала об отношениях Кевина и Лили Шерман. Фэб наверняка что-то знает, но Молли боялась упоминать его имя.

«Лейс» решит ваши проблемы, да, да, да... «Лейс» поможет непременно, да, да, да...

Заставку сменила реклама. Потом на экране появилась Лили Шерман в роли Джинджер Хилл. Белые тесные шорты, груди выпирают из лифа ярко-зеленого бикини. Рыжеватые волосы рассыпались по плечам. В ушах раскачиваются золотые кольца, манящая улыбка обещает несказанные чувственные восторги.

В кадре возникли оба детектива на залитом солнцем берегу. По контрасту со скудными одежками Джинджер Сейбл нарядилась в закрытый купальник. Молли вспомнила, что актрисы дружили и в жизни. По крайней мере газеты в свое время об этом писали.

В прихожей зажужжал домофон. Молли выключила телевизор и побежала открывать дверь.

– Что-то ты бледная, – заметила Фэб, целуя ее в щеку.

– На дворе январь, не забыла? Зимой в Чикаго все бледные, – пробормотала Молли, неохотно разжимая руки. Курица Силия, добродушная, всеобщая матушка, долгожительница Соловьиного Леса, вечно кудахтавшая над Дафной, была списана с сестры.

– Привет, миз Молли. Мы по вас соскучились, – пробасил

Дэн, едва не раздавив ее в медвежьих объятиях.

Обнимая зятя, Молли мысленно благодарила судьбу, пославшую ей эту парочку.

– Ты уже две недели у нас не показываешься. Фэб на стенку лезет, – продолжал Дэн, швыряя куртку на диван.

Взяв пальто сестры, Молли улыбнулась. Дэн все еще считает свое жилище настоящим домом Молли. Он и понятия не имеет, какие нежные чувства питает она к своей квартире.

– Дэн, помнишь нашу первую встречу? Я старалась убедить тебя, будто Фэб меня бьет.

– Разве такое забудешь? Ты еще сказала, что она не настолько подлая, просто немного взбалмошная.

– Добрые старые времена, – засмеялась Фэб.

Глаза Молли лучились неподдельной любовью.

– Ах, какой же я была маленькой мерзавкой! Просто чудо, что ты в самом деле не задала мне трепку!

– Девочкам Сомервиль приходилось изобретать собственные способы выживания.

«Одной из нас и сейчас приходится», – подумала Молли.

Ру, обожавший Фэб, вскочил ей на колени.

– Я так рада, что удалось взглянуть на иллюстрации к «Дафне», прежде чем ты их отослала! А выражение мордочки Бенни, когда велосипед занесло и он очутился в луже! До чего уморительно! Есть новые идеи?

Молли немного поколебалась.

– Разве что в самой начальной стадии.

– Ханна была вне себя от восторга, когда Дафна перебинтовала лапу Бенни. Она считала, что Дафна ни за что его не простит.

– Дафна – очень добрая крольчишка. Она даже не пожалела своей розовой кружевной ленточки на перевязку.

Фэб рассмеялась:

– Бенни еще плохо знает женщин. Чудесная книжка, сестричка. Ты каким-то образом ухитряешься дать детям очередной важный жизненный урок, не теряя при этом юмора. Ты настоящий писатель.

– Знаешь, раньше я просто не понимала, что создана именно для этого.

– Кстати, насчет... Дэн, ты не помнишь... – начала Фэб, но тут же осеклась, сообразив, что муж куда-то исчез. – Он, должно быть, пошел в ванную.

– Там не убрано, – встревожилась Молли. – Надеюсь, он не слишком...

Громко охнув, она повернулась к двери.

Поздно.

В комнату ворвался Дэн с двумя коробками из-под тестов на беременность. В его огромных кулаках они казались боевыми гранатами.

Молли закусила губы. А она-то пока не хотела им говорить! И без того у них немало неприятностей из-за проигрыша на чемпионате АФК, а тут еще и это!

Фэб, не поняв сразу, в чем дело, с недоумением приподняла брови. Муж бросил коробочки ей на колени. Она прочла надпись и схватилась за голову.

– Молли!

– Понимаю, что тебе уже двадцать семь, – начал Дэн, – и мы не можем вмешиваться в твою личную жизнь, но я все же должен спросить.

У него был такой сокрушенный вид, что Молли съежилась. Невыносимо! Дэн – прекрасный отец, и ему труднее, чем Фэб, смириться со случившимся.

Молли взяла у сестры коробочки и отставила в сторону.

– Почему бы тебе не сесть, Дэн?

Он медленно опустился на диван рядом с женой. Фэб инстинктивно вложила руку в его ладонь. Двое против целого мира. В такие моменты Молли особенно остро ощущала собственное одиночество.

Сама она устроилась напротив.

– Мне нелегко говорить вам это, но я беременна.

Дэн побледнел, и Фэб поспешно прильнула к нему.

– Знаю, для вас это потрясение, и потому прошу прощения. Но о ребенке не жалею.

– Лучше скажи, когда свадьба, – выговорил Дэн, едва шевеля губами, и Молли снова вспомнила, каким неумолимым может быть зять. Если она не устоит, сдастся, он не даст ей ни жизни, ни покоя.

– Никакой свадьбы. И папочки у моего ребенка не будет.

Так что тебе лучше заранее смириться с тем, что твоя родственница скоро станет матерью-одиночкой.

Фэб, казалось, потеряла дар речи.

– Я... я не знала, что ты с кем-то встречаешься, – выдавила она наконец. – Обычно ты мне все рассказываешь.

Нельзя, чтобы она догадалась!

– Я делюсь с тобой многим, Фэб, но далеко не всем.

Щека Дэна дернулась. Плохой признак.

– Кто он?

– Не скажу, – спокойно ответила Молли. – Это моя вина, не его. Мне он не нужен. Я не потерплю его в своей жизни.

– Зато терпела достаточно долго, чтобы залететь! – прогремел Дэн. – Тогда он тебе был нужен!

– Дэн, не надо!

Вспыльчивость мужа никогда не производила особого впечатления на Фэб. Вот и сейчас она больше тревожилась за Молли.

– Не принимай поспешных решений, Молл. Какой у тебя срок?

– Всего шесть недель. Но я не передумаю. Теперь нас будет двое – я и малыш. Ну и вы, надеюсь, не бросите меня.

Дэн сорвался с места и принялся метаться по комнате.

– Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься!

Она могла бы напомнить ему, что тысячи одиноких женщин рожают детей, не надеясь на помощь отцов, сказать, что его взгляды чересчур старомодны, но слишком хорошо зна-

ла Дэна, чтобы тратить время и силы на уговоры. Лучше сосредоточиться на практических деталях.

– Конечно, я не могу уговорить вас не волноваться, но вспомните, что я подготовлена к рождению ребенка значительно лучше большинства одиноких женщин. Мне уже почти тридцать, я люблю детей и эмоционально устойчива.

Впервые в жизни она чувствовала, что последнее может оказаться правдой.

– И большую часть года ты сидишь без денег, – прошипел Дэн.

– Продажа «Дафны» идет не так быстро, как хотелось бы.

– Вернее, очень-очень медленно, – подчеркнул Дэн.

– Что ж, буду чаще писать статьи. Мне даже не придется платить няне, потому что я все время дома.

– Детям нужен отец, – упрямо буркнул Дэн.

Молли поднялась и подошла к зятю.

– Им необходим хороший человек, и я надеюсь, что ты всегда будешь рядом, потому что лучше тебя никого на свете нет.

Дэн, растроганно улыбнувшись, прижал ее к себе.

– Мы только хотим, чтобы ты была счастлива.

– Знаю. Поэтому так люблю вас обоих.

– Я только хочу, чтобы она была счастлива, – повторил Дэн, когда они с Фэб ехали домой после невеселого ужина.

– И я тоже. Но Молли независима по натуре и приняла

решение, от которого не отступит, – вздохнула Фэб, озабоченно хмурясь. – Думаю, нам ничего не остается, как подержать ее.

– Это случилось примерно в начале декабря, – прикинул Дэн, хищно сузив глаза. – Клянусь, Фэб, я найду сукина сына, сотворившего это с ней, и пусть пеняет на себя! Голову откручу!

Но сказать легче, чем сделать. Одна неделя сменялась другой, а Дэн и близко не подобрался к разгадке, хотя изобретал множество предлогов, чтобы обзвонить друзей Молли и выведать у них информацию. Но никто не мог вспомнить, чтобы сестра Фэб с кем-то встречалась. Он не постеснялся допросить собственных детей, но результат остался тем же. Устав от бесплодных попыток докопаться до правды, он в отчаянии нанял детектива, благоразумно забыв сообщить об этом жене, которая наверняка посоветовала бы ему не лезть в чужие дела. И что же он получил? Огромный счет, но ни одного факта. Таинственный любовник как сквозь землю провалился!

В середине января Фэб и Дэн повезли ребятишек на уик-энд в Дор-Каунти, покататься на снегоходах. Они звали и Молли, но та сказала, что должна срочно сдать статью для «Чик». Дэн понимал, что она просто избегает его, не желая выслушивать очередную лекцию.

В субботу он только привел Эндрю со двора, как Фэб прибежала в раздевалку, где они снимали сапоги.

– Ну что, здорово было, хрюшка-ватрушка?

– Очень!

Дэн с широкой улыбкой наблюдал, как Эндрю в одних носках летит по мокрому полу прямо в расставленные руки матери, как всегда, когда разлучался с кем-то из родителей больше чем на час.

– Я рада, – прошептала Фэб, зарывшись носом в его волосы. – А теперь беги на кухню, поешь. Сидр горячий, так что попроси Тесс налить тебе. Сам кувшин не трогай.

Эндрю умчался. Дэн решил, что Фэб выглядит на редкость соблазнительной в золотистых джинсах и мягком коричневом свитере. Он потянулся было к жене, но та показала желтую квитанцию – из тех, что выдают при оплате кредитной карточкой.

– Я нашла это наверху.

На бланке стояло имя Молли.

– Это чек из маленькой аптеки в соседнем городке, – пояснила Фэб. – Обрати внимание на число.

Дэн с недоумением пожал плечами, не понимая, что насторожило жену.

– И в чем дело? Число как число.

Фэб бессильно прислонилась к стиральной машине.

– Дэн, как раз в это время здесь жил Кевин.

Кевин покинул уличное кафе и побрел по Кэрнс-Эсплейн-лейн к своему отелю. Теплый февральский ветерок весело

теребил листья пальм и раскачивал яхты в гавани. После пяти недель плавания с аквалангом в Коралловом море в обществе акул, предпочитавших держаться поближе к северной оконечности Большого Барьерного рифа, приятно вновь приобщиться к цивилизации.

Город Кэрнс на северо-восточном побережье Квинсленда был избран штаб-квартирой экспедиции ныряльщиков, и, поскольку в нем имелись неплохие рестораны и несколько пятизвездочных отелей, Кевин решил пожить здесь еще немного. К тому же Чикаго далеко и почти нет риска налететь на очередного оголтелого болельщика «Старз», жаждущего узнать, почему он очертя голову врезался в двойное прикрытие в самом конце четвертого периода матча чемпионата АФК, тем самым лишив команду возможности победить в финале Суперкубка. Никто ведь не поверит, что даже приключения в обществе премилой компании акул не заставили его забыть случившееся.

Местная шлюшка в топики, больше напоминавшем широкий лифчик, и предельно узких белых шортах окинула его призывным взглядом, сопровождаемым столь же манящей улыбкой:

- Эй, янки, гид не требуется?
- Спасибо, не сегодня.

Она разочарованно поджала губы. Ему, наверное, стоило бы подхватить ее под руку, но отчего-то тоска брала при одном виде размазанной мордочки. Правда, он точно так же

уклонялся и от не слишком тонких намеков и недвусмысленных авансов белокурой аспирантки, исполнявшей обязанности кока на их яхте, но тут по крайней мере все было понятно — он всегда старался держаться подальше от чересчур образованных заносчивых особ.

Он совсем забыл, что сейчас в Квинсленде разгар сезона дождей, и удивился, когда первая капля ударила его по носу. Придется немного позаниматься в тренажерном зале отеля, переждать ливень, а потом зайти в казино.

Кевин поднялся к себе в номер, переоделся в спортивный костюм и, услышав оглушительный грохот, удивленно приподнял брови. Что, черт побери, могло стрястись?

Он не спеша подошел к двери, повернул ручку и...

— Дэн?! Что ты здесь...

Фраза осталась неоконченной. Кевин успел увидеть внушительный кулак, летящий прямо ему в челюсть, прежде чем все померкло.

Он пошатнулся, отлетел назад и, наткнувшись на угол дивана, рухнул как подкошенный, но довольно быстро опомнился и вскочил.

Волна адреналина захлестнула его, жаркая и неукротимая. Он уже размахнулся, готовый ответить Дэну достойным ударом, но все же помедлил. Не потому, что боялся ударить босса. Просто при одном взгляде на искаженное яростью лицо Кэйлбоу Кевин понял: случилось что-то ужасное. Немыслимое.

Поскольку Дэн ни словом не упрекнул его за ту злосчастную игру, проявив куда больше понимания, чем заслуживал Кевин, было ясно, что дурацкий опрометчивый пас тут ни при чем.

Не в его характере было покорно сносить оплеухи, но он заставил себя опустить кулаки.

– Не мешало бы тебе объяснить, что к чему. И не дай Бог, доводы окажутся недостаточно вескими.

– Ублюдок! Неужели воображал, что тебе это сойдет с рук? – с презрением прошипел Дэн.

Кевину стало не по себе.

– С рук? Ты это о чем?

– Значит, тебе все до лампочки?! – взорвался Дэн.

Кевин молчал, ожидая разъяснений. Дэн шагнул вперед, брезгливо скривив губы.

– Почему не сказал мне, что жил в моем доме не один? Тогда, в декабре?!

На лбу Кевина выступил холодный пот.

– Не думал, что должен об этом сообщать, – ответил он, тщательно подбирая слова. – Посчитал, что Дафна сама решит, говорить вам или нет.

– Дафна?!

Ну нет, с него довольно! Сейчас он ему покажет!

– Я не виноват, если твоей спятившей свояченице вздумалось объявиться там в самое неподходящее время!

– Ты даже не знаешь ее имени!

Дэн принял боевую стойку, словно готовясь снова атаковать, и Кевин, вне себя от злости, почти надеялся, что так и будет.

– Какого черта! Она назвалась Дафной!

– Ну да, как же! – уничтожающе фыркнул Дэн. – Так вот, ее зовут Молли, сукин ты сын, и она беременна от тебя!

Кевин дернулся, словно пропустив очередной удар в челюсть.

– О чем ты?!

– О том, что по горло сыт гениями от спорта, воображающими, будто сам Господь дал им право разбрасываться незаконными детьми, как мусором!

К горлу Кевина подкатила тошнота. Когда он позвонил, она уверяла, что никаких последствий быть не может. И все время переговаривалась со своим дружкой!

– Мог бы по крайней мере иметь совесть и натянуть гробаную резинку!

Кевин снова обрел дар речи. Ну уж нет, он не позволит взвалить на себя всю вину!

– Я говорил с Даф... твоей свояченицей перед отлетом из Чикаго, и она клялась, что все в порядке. Может, тебе лучше обратиться к ее приятелю?

– В этот момент она слишком занята, чтобы обращать внимание на мужчин.

– Поверь, она не сказала тебе всей правды, – настаивал Кевин. – Ты зря проделал весь этот путь. Она встречается с

каким-то Бенни.

– Бенни?!

– Не знаю, давно ли они вместе, но думаю, именно он ответственен за ее нынешнее состояние.

– Бенни не ее любовник, спесивый ты кретин! Он чертов барсук!

Кевин открыл рот, пытаясь что-то сказать, мотнул головой и направился к бару.

– Может, лучше начать сначала? Что-то я совсем запутался.

Молли припарковала свой «жучок» за «БМВ» Фэб, вышла из машины и ловко обогнула горку серого обледелого снега. Северный Иллинойс продолжал пребывать в тисках мороза, по всем признакам не собиравшегося легко отступить, но Молли не сетовала на погоду. Февраль – лучшее время года для того, чтобы уютно устроиться на диване с альбомом для рисования, ноутбуком... или просто помечтать.

Дафна не могла дождаться, пока вырастет маленькая крольчиха и они смогут поиграть вместе. Они наденут юбочки, расшитые блестящими бусинками, скажут друг другу: «О-ля-ля! Выглядишь божественно!» – а потом нальют воды в воздушные шарики и сбросят их на головы Бенни и его друзьям.

Молли была рада, что ее речь на литературном завтраке уже произнесена. Фэб не поленилась приехать, чтобы ока-

зять ей моральную поддержку. Хотя Молли любила бывать в школах и читать первоклассникам свои книги, она всегда нервничала, когда выступала перед взрослыми, особенно теперь, с ее непредсказуемым желудком.

Прошел ровно месяц с тех пор, как она поняла, что беременна, и с каждым днем ребенок становился для нее все более реальным. Живым. Родным. Она не смогла устоять перед покупкой крохотного джинсового комбинезончика в стиле уни-секс и с нетерпением ждала минуты, когда наденет платье для беременных, хотя пока думать об этом было рановато.

Она вошла вслед за Фэб в старый каменный деревенский дом, где жил Дэн до женитьбы. Молли помнила, что он ни разу не пожаловался, когда его молодая жена привезла с собой младшую сестру.

Навстречу метнулся Ру, жаждавший скорее поздороваться с хозяйкой. Его воспитанная сестричка Кенга чинно трусила сзади. Молли оставила песика здесь, пока ездила на завтрак, и сейчас, повесив пальто, погладила собачек.

– Привет, Ру. Привет, Кенга, солнышко!

Пудельки дружно повалились на спину, предвкушая удовольствие. Молли почесала мохнатые животики, мельком заметив, что Фэб сунула дорогой шарф от Эрме в карман куртки Эндрю.

– Что это с тобой? – удивилась она. – Ты все утро не в себе.

– Не в себе? О чем ты?

Молли вытащила шарф и протянула сестре:

– Эндрю не носит дамских нарядов.

– О Господи! Наверное... – начала она и осеклась, заметив мужа, появившегося из глубины дома.

– Что ты здесь делаешь? – удивилась Молли. – Фэб сказала, ты в отъезде.

– Был, – кивнул Дэн, целуя жену – А теперь вернулся. Только что.

– Ты так и спал в одежде? Выглядишь ужасно.

– Полет был долгим. Пойдемте в общую комнату. Ты как, Молли?

– Отлично, – кивнула она.

Собаки дружно побежали следом.

Общая комната была просторной и уютной. Большие окна, высокие потолки, удобная мебель. Повсюду мягкие кресла, диваны, столы для работы и игр. Дорогой музыкальный центр с огромной коллекцией компакт-дисков от Реффи до Рахманинова.

– Так куда ты уезжал? Я думала... – начала Молли, но осеклась, увидев русоволосого великана, стоявшего в углу. Зеленые глаза, которые она когда-то считала неотразимо привлекательными, сейчас были полны злобы.

Сердце Молли тоскливо сжалось. Одежда у него была такой же мятой, как у Дэна, лицо покрывала неряшливая щетина. Несмотря на ровный загар, он не выглядел человеком, только что вернувшимся из теплых стран после долгого от-

дыха. Такер был явно на взводе и, казалось, вот-вот взорвется.

Молли вспомнила необычайную рассеянность Фэб в последние дни, ее уклончивые ответы, таинственный вид. Значит, сегодняшняя встреча не случайна. Фэб и Дэн каким-то образом узнали правду.

– Давайте присядем, – с тихой решимостью велела Фэб.

– Я постою, – обронил Кевин, почти не шевеля губами.

Молли растерянно озиралась, словно попавший в ловушку зверек. Гнев, смешанный с паническим ужасом, захлестнул ее. Как они посмели! Боже, сейчас ее стошнит!

– Не знаю, что здесь происходит, – выдавила она наконец, – но не желаю в этом участвовать. – Она повернулась и шагнула к выходу, но Кевин успел преградить ей дорогу.

– Даже не думайте!

– Все это никакого отношения к вам не имеет.

– А я слышал другое. – Его взгляд вонзился в нее осколками зеленого льда.

– Значит, неправильно расслышали.

– Молли, сядь, и мы спокойно все обсудим, – предложила Фэб. – Дэну пришлось лететь в Австралию, чтобы найти Кевина, и самое меньшее, что...

– Ты летал в Австралию? – поразилась Молли. Зять ответил ей упрямой гримасой, которую она видела на его физиономии, когда он не позволил ей переночевать в студенческом общежитии после школьных выпускных экзаменов. Но она

давно не девочка!

Что-то внутри лопнуло. Какая-то струна. Должно быть, терпение.

– Ты не имел права! – взвизгнула она, неожиданно для себя метнувшись к зятю.

Всю свою жизнь она была человеком мирным и ничуть не вспыльчивым. Любила кроликов, волшебные леса, фарфоровые чайники и полотняные ночные рубашки. И никогда не подняла ни на кого руку.

И вот сейчас она, незлобивая, тихая мечтательница Молли Сомервиль, налетела на Дэна с кулаками!

– Как ты мог? – завопила она, молотя его по груди.

– Молли! – вскрикнула сестра.

Дэн удивленно уставился на свояченицу. Ру оглушительно залаял.

Ярость, угрызения совести и страх свернулись уродливым змеиным клубком в душе Молли. Дэн отступил, но она кинулась к нему, продолжая колотить.

– Это не твое дело!

– Молли, прекрати! – воскликнула Фэб.

– Я никогда тебе не прощу! – Она снова занесла руку.

– Молли!

– Это моя жизнь! – орала она, перекрывая лай Ру и протесты сестры. – Почему ты в нее лезешь?

Сильная рука обвила ее талию, прежде чем она сумела предпринять еще одну попытку. Ру зарычал. Кевин прижал

ее к себе.

– Вам лучше успокоиться.

– Отпусти меня!

Она ловко ткнула его локтем. Кевин крякнул, но не отпустил ее. Ру привычно вцепился ему в щиколотку. Кевин взвыл, и Молли еще раз вонзила ему локоть в ребра. Кевин разразился проклятиями.

Дэн ему вторил.

– О, ради всего святого!

Воздух разрезал пронзительный свист.

Глава 5

*Иногда вам позарез нужен друг, но все куда-то
исчезли на целый день.*

Одинокий день Дафны

Барабанные перепонки Молли едва не лопнули. Откуда Фэб взяла игрушечный свисток?

– Довольно, я сказала, – объявила сестра, выступив вперед. – Молли, ты вне игры! Ру, немедленно отпусти его. Кевин, убери от нее свои лапы. И всем сесть!

Кевин опустил руки. Дэн потер грудь. Ру послушно разжал пасть.

Молли стиснула ладонями виски. Перед глазами все плыло. И чего она надеялась этим добиться?

Она стыдилась поднять глаза. Позор, какой позор!

Мысль о том, что сестра и зять знают, как она залезла в постель к Кевину, была невыносимой, унижительной.

Но именно она виновата в том, что случилось, а значит, убежать невозможно.

Следуя примеру поклонников Дафны, она для утешения схватила песика и отнесла его в кресло, как можно дальше от остальных. Ру сочувственно лизнул ее в подбородок.

Дэн все с тем же упрямым видом устроился на диване. Фэб присела рядом, сейчас она была поразительно похожа

на шоу-герл из Лас-Вегаса, ради смеха надевшую скромное платьице. А Кевин...

Даже воздух в комнате вибрировал от его гнева. Такер стоял рядом с камином, скрестив руки на груди и сунув ладони под мышки, словно боялся, что не выдержит и пустит в ход кулаки. Как вообще она могла втюриться в этого дикаря?

И тут до нее дошло: Фэб, Дэн, Кевин... и она. Создатель Дафны и Бенни против НФЛ!

Единственный способ защиты – глухая оборона. Сейчас она разыграет оскорбленную невинность. И хотя при этом будет выглядеть последней стервой, на деле окажет Кевину бесценную услугу.

– Давайте покороче. У меня много дел, а вся эта канитель донельзя скучна.

Темно-русые брови Кевина взлетели вверх.

– Ничего не выйдет, Молли, – вздохнула Фэб. – От него так просто не отделаешься. Крепкий орешек. Такер – отец твоего ребенка, вот он и пришел потолковать о будущем.

Молли быстро повернулась к Кевину. Получается, он ничего не сказал. Фэб ни за что не стала бы говорить в подобном тоне, узнай она, что натворила сестра.

Но взгляд Кевина оставался холодным.

Почему он промолчал? Как только Фэб и Дэн пронюхают правду, тут же снимут его с крючка – и гуляй себе, рыбка!

– В мои планы на будущее этот человек не входит, – коротко пояснила Молли. – И по чести го...

Кевин оттолкнулся от камина и мгновенно очутился рядом с ней.

– Берите пальто! – рявкнул он. – Мы идем гулять.

– Мне вовсе не...

– Немедленно!

Как ни противно ей оставаться наедине с Кевином, это все же было лучше, чем вести переговоры в присутствии семейки Кэйлбоу. Молли поставила своего единственного союзника на ковер и встала.

– Побудь здесь, Ру.

Пудель заскулил, Фэб подхватила его и прижала к себе. Молли, расправив плечи и гордо выпрямившись, что, надо сказать, было совершенно ей несвойственно, прошла к порогу. Кевин догнал Молли на кухне и втолкнул в прачечную, где накинул на нее розовую с лиловым лыжную куртку Джули, а сам схватил с вешалки мешковатое коричневое пальто Дэна. Затем он распахнул заднюю дверь и не слишком деликатно вытолкал свою жертву на улицу.

Молли беспомощно дергала за язычок молнии, которая никак не хотела застегиваться. Ветер беспощадно рвал ее шелковую блузку. Кевин даже не запахнул пальто, хотя под ним были только плотная трикотажная сорочка и слаксы. Очевидно, его грела ярость.

Молли сунула руку в карман и нащупала там старую вязаную шапочку с выцветшей наклейкой с изображением куклы Барби. Жалкие остатки некогда блестящего серебряного

помпона держались на двух ниточках. Молли поспешно натянула убогую шапочку. Кевин, не обращая ни на что внимания, потащил ее к вымощенной каменными плитками дорожке, которая вела в лес. Некоторое время он шел молча.

– Вы не собирались мне сказать, – выдавил он наконец.

– К чему? Достаточно и того, что я все выложила им. Вам следовало бы сделать то же самое, когда появился Дэн.

– Представляю его реакцию! «Моей вины тут нет, Дэн. Твоя идеальная маленькая свояченица изнасиловала меня!» Можно подумать, он тут же и поверил бы!

– Не поверил бы тогда – поверит сейчас. Простите, что причинила вам столько неприятностей.

– Неприятностей?! – прогремел Кевин, словно хлыстом ударил. – Не находите, что это слишком мягко сказано?

– Знаю, но...

– Для богатеньких бездельниц это, конечно, может считаться неприятностью, но в реальном мире...

– Понимаю. Конечно, вы жертва моих происков, – пробормотала Молли. – Вы тут действительно ни при чем. Моя беда – мне с ней и справляться.

– Не делайте из меня жертву! – вскинулся он.

– И все же вина моя – мне и отвечать за последствия.

– Эти последствия, как вы их называете, имеют прямое отношение к будущей жизни ни в чем не повинного младенца!

Молли остановилась и взглянула на него. Ветер бросал

ему в глаза непослушные пряди волос, но Кевину было не до того. Застывшее лицо, неумолимый взгляд, плотно сжатые губы.

– Я это знаю, – кивнула она. – Даю слово, что не планировала ничего заранее. Но теперь очень хочу этого ребенка.

– А я – нет.

Молли передернуло. Впрочем, что тут обижаться? Он по-своему прав. Зачем ему ребенок, да еще зачатый таким образом?

Будто испугавшись, что его злоба повредит малышу, она инстинктивно прикрыла руками живот. Кто знает, на что способен этот человек?

– Значит, никаких проблем. Я не нуждаюсь в вас, Кевин, правда. Буду очень признательна, если вы забудете обо всем и вернетесь к своим делам.

– Неужели вы думаете, что я на такое способен?

Конечно, эта история касается не только ее, она может привести к настоящему краху карьеры Кевина. Его любовь к футболу и «Старз» ни для кого не секрет. Фэб и Дэн – владельцы команды, к их мнению прислушиваются в НФЛ.

– Когда я расскажу сестре и Дэну, как это произошло, они оставят вас в покое, ваша карьера не пострадает.

Глаза Кевина зловеще сузились.

– Вы никому и словом не обмолвитесь.

– А кто мне запретит?

– Держите рот на замке!

– В вас говорит оскорбленная гордость? Не хотите, чтобы кто-то пронюхал о вашей роли жертвы во всей этой истории? Или настолько боитесь Кэйлбоу?

– Вы ничего не знаете обо мне, – еле слышно выговорил он.

– Зато знаю разницу между порядочностью и подлостью. Я вела себя недостойно, значит, и тонуть буду в одиночку. Будьте уверены: никого за собой не потащу. Сейчас же иду в дом и...

Но Кевин обхватил ее плечи и хорошенько встряхнул.

– Слушайте меня внимательно, поскольку я едва держусь на ногах после перелета и не собираюсь повторять это дважды. Я совершил в жизни немало грехов, но никогда не бросал на произвол судьбы незаконного ребенка и не собираюсь начинать сейчас.

Молли вырвалась, сделала шаг назад и сжала кулаки.

– Я не собираюсь избавляться от него, так что не стоит и предлагать.

– Не думал предлагать ничего подобного, – горько усмехнулся Кевин. – Мы поженимся.

Молли ошеломленно моргнула. Он в своем уме?

– Ни за что! Я не желаю выходить замуж.

– Какое совпадение! Тут мы с вами единомышленны, но утешьтесь – долго наша семейная жизнь не продлится.

– Я не...

– Не спорьте. Вы подставили меня, леди, и теперь музыку

заказываю я.

Обычно Кевин любил бывать в танцевальном клубе, но сейчас пожалел, что пришел. Несмотря на то что после вчерашней встречи с Кэйлбоу прошло достаточно времени, он все еще не слишком годился для веселой компании.

– Кевин! Сюда! – взвизгнула девица с блестками на веках и в полупрозрачном платьишке, перекрывая шум.

Прошлым летом они пару недель тусовались вместе. Как там ее? Нита? Нина? Забыл... да и не все ли равно?

– Кевин! Эй, старина, идем к нам! Ставлю выпивку.

Кевин сделал вид, что не слышит, и, повернувшись, направился в ту сторону, откуда явился. Не стоило вообще здесь показываться. Сейчас ему не до друзей, не говоря уж о болельщиках, продолжавших обсуждать подробности проигранного матча.

Он взял в гардеробе пальто, но не застегнулся, и холодный воздух Дирборн-стрит хлестнул его пощечиной. По пути сюда он слышал прогноз погоды. Температура упала до минус трех. Ничего не поделаешь, в Чикаго зима.

Швейцар увидел его и побежал за машиной, припаркованной на привилегированной стоянке, метрах в двадцати от клуба.

Через неделю он станет женатым человеком. И это после всех стараний не смешивать личную жизнь с карьерой!

Кевин вручил швейцару пятьдесят долларов, сел за руль

«спайдера» и отъехал.

Ты должен служить примером, Кевин. Люди всегда ожидают хорошего поведения от детей священнослужителей.

Он постарался прогнать из памяти голос преподобного Джона Такера. Чушь! Приходится делать это, чтобы уберечь свою карьеру! Да, верно, при мысли о том, что его ребенок будет носить клеймо незаконного рождения, ему становилось плохо, но разве дело в этом? Речь идет не о брошенном потомке священнослужителя, а прежде всего об *игре*.

Фэб и Дэн вряд ли могут требовать брака по любви. Они не удивятся, если вслед за свадьбой последует развод. Зато он сможет прямо смотреть им в глаза. А Молли Сомервиль с ее связями и полным отсутствием морали... что ж, он редко кого так ненавидел в жизни, как эту неприметную пустышку. Надо же – Джейн Боннер подшучивала, что, мол, если он когда-нибудь и женится, то на спокойной, нетребовательной леди, молчаливой и незаметной. Незаметная, как же! Спесивая библиотечная крыса – дай ей палец, так она всю руку отхватит!

Кевин, нужно научиться отличать хорошее от дурного. Ты можешь либо всю жизнь продержаться в тени, либо будешь оставаться на свету. Выбор зависит от тебя.

Решительно проигнорировав Джона Такера, Кевин нажал на педаль и выбрался на Лейк-Шодрайв. Все это не имеет ничего общего с хорошим или дурным. Речь идет о сохранении места в команде. Вернее, о спасении его репутации.

«Не совсем», – прошептал назойливый внутренний голо-
сишко. Кевин перестроился в левый ряд, потом в правый,
затем снова в левый. Сейчас ему позарез нужны скорость и
риск, но ни того ни другого на Лейк-Шодрайв днем с огнем
не сыскать.

Через несколько дней после устроенной родственничками
засады Молли встретила с Кевином, чтобы вместе отпра-
виться за разрешением на брак. Потом они, каждый в своей
машине, добрались до «Хэнкок-центра», где подписали кон-
тракт о раздельном владении деньгами и имуществом. Ке-
вин, правда, не знал, что у Молли нет состояния, на которое
он мог бы покуситься, а она ничего не сказала.

Выходя из здания, Молли собрала все свое мужество, что-
бы заговорить с женихом:

– Кевин, это безумие. Позволь по крайней мере честно
объясниться с Фэб и Дэном.

– Ты поклялась, что будешь держать язык за зубами.

– Верно, но...

Он пригвоздил ее к месту ледяным взглядом:

– Хотелось бы верить, что ты хоть в чем-то окажешься
порядочным человеком.

Молли отвела глаза, жалея, что дала слово молчать.

– Но сейчас не пятидесятые! Мне не нужен брак, чтобы
вырастить ребенка. На свете тысячи одиноких матерей.

– Этой свадьбой можно все уладить без особых хлопот.

Или ты так эгоистична, что боишься пожертвовать парой недель? Пойми же, все еще как-то можно исправить, если, конечно, немного постараться.

Ей не понравились ни жгучее презрение в его голосе, ни намеки насчет эгоизма, тем более если учесть, что он из кожи вон лез, боясь потерять расположение Фэб и Дэна, но, прежде чем она успела собраться с мыслями, Кевин исчез. Молли сдалась. Она могла бороться с каждым поодиночке, но не со всеми тремя сразу.

Свадьба состоялась через несколько дней, в гостиной Кэйлбоу. На Молли было снежно-белое платье-миди, подаренное сестрой. Кевин надел темный костюм с галстуком в тон. Молли посчитала, что он похож на разряженного гробовщика.

Оба отказались приглашать на церемонию друзей, так что присутствовали только Дэн, Фэб и дети. Под ногами крутились собаки. Девочки украсили гостиную лентами из креповой бумаги и повязали собакам бантики: Ру на ошейник, а Кенге на хохолок. Кенга бесстыдно флиртовала с Кевином, выставляя напоказ украшение и повиливая хвостиком. Такер хладнокровно игнорировал как ее заигрывания, так и ворчание Ру, и Молли поняла: он из тех мужчин, которые убеждены, что пудель каким-то образом угрожает имиджу настоящего мачо. Почему она не подумала об этом в Дор-Каунти, вместо того чтобы ожидать, пока он рыгнет или вы-

ставит напоказ золотую цепь?

Глаза Ханны сияли: очевидно, в ее представлении Молли и Кевин были принцем и принцессой из волшебной сказки. Исключительно ради племянницы Молли делала вид, что счастлива, хотя ее нещадно тошнило.

– Ты такая красивая! – вздохнула Ханна и, чтобы не показаться несправедливой, обожающе взглянула на Кевина: – И ты тоже. Как рыцарь из легенды!

Тесс и Джули ехидно захихикали. Ханна побагровела. Но Кевин не засмеялся. Просто слегка улыбнулся и сжал ее плечо.

– Спасибо, малышка.

Молли моргнула и отвернулась.

Судья, проводивший церемонию, выступил вперед.

– Что ж, давайте начнем.

Молли и Кевин двинулись к нему с таким видом, словно шли по минному полю.

– Возлюбленные мои...

Эндрю вырвался из объятий матери и молниеносно вклинился между женихом и невестой.

– Эндрю, немедленно вернись! – прошипел Дэн и попытался схватить непослушного отпрыска, однако Кевин и Молли одновременно стиснули липкие ручонки, удерживая озорника на месте.

Вот так они и поженились, под импровизированным балахином из разнокалиберных бумажных лент, в компании

пятилетнего малыша и серого пуделя, злобно сверлившего жениха налитыми кровью глазками.

В продолжение речи судьи новобрачные ни разу не взглянули друг на друга, потом едва соприкоснулись сухими сжатыми губами и тут же разъединились. Эндрю, проследив за поцелуем, брезгливо поморщился:

– Тили-тили тесто...

– Они должны поцеловаться, дурачок несмышленный, – сообщила Тесс.

– Я не дурачок!

Молли поспешно наклонилась и обняла малыша. Краем глаза она увидела Дэна, пожимавшего руку Кевину, и Фэб, наскоро чмокнувшую новоявленного зятя в щеку. Все это выглядело ужасно и настолько нелепо, что Молли не терпелось оказаться подальше отсюда.

Они разыграли целый спектакль, картинно пригубив шампанское, но никому не удалось проглотить что-то, кроме крохотного кусочка свадебного торта.

– Давай убраться отсюда, – буркнул ей наконец Кевин в самое ухо.

Молли даже не потребовалось хвататься за виски и изображать головную боль: с самого утра она едва держалась на ногах и с каждым часом чувствовала себя все хуже.

– Хорошо.

Кевин пробормотал что-то насчет необходимости выехать до того, как пойдет снег.

– Неплохая мысль, – вымученно усмехнулась Фэб. – Я рада, что вы приняли наше предложение.

Молли безуспешно пыталась сделать вид, будто перспектива провести несколько дней в Дор-Каунти с Кевином не казалась ей кошмарной.

– Пожалуй, так будет лучше всего, – согласился Дэн. – Тогда репортеры наверняка не догадаются заглянуть, так что, когда будет сделано официальное объявление, вам по крайней мере удастся избежать первой волны их нашествия.

– И еще, – с притворным воодушевлением добавила Фэб, – там у вас появится шанс узнать друг друга получше.

– Дождаться этого не могу, – тихо фыркнул Кевин.

Они не стали переодеваться, и десять минут спустя Молли уже целовала на прощание Ру. При сложившихся обстоятельствах она предпочла оставить песика сестре.

Едва новобрачные уселись в «феррари» жениха, Тесс и Джули принялись обматывать Эндрю бумажными лентами, а Ханна, прижавшись к отцу, о чем-то негромко его расспрашивала.

– Моя машина на станции техобслуживания Экстона, в паре миль отсюда. Сверни влево, когда выедешь на шоссе, – попросила Молли.

Она и помыслить не могла о том, чтобы выдержать семичасовую поездку в северный Висконсин в обществе этого человека. Не настолько крепкие у нее нервы.

Кевин демонстративно нацепил на нос очки в серебряной

оправе.

– Мне казалось, ты согласилась на Дор-Каунти.

– Я поеду в своей машине.

– Ради Бога.

Он молча вырулил на шоссе и вскоре остановился у станции техобслуживания. Открывая дверцу, он слегка задел бедро Молли, но не извинился. Она вытащила ключи из сумочки и вышла. За спиной взревел мотор – Кевин умчался, даже не попрощавшись.

Молли проплакала всю дорогу до границы с Висконсинном.

Кевин заехал домой, на Оук-стрит, где переоделся в джинсы и фланелевую рубашку, захватил пару компакт-дисков чикагской джазовой группы и книгу о восхождении на Эверест, которую забыл положить в чемодан. Может, стоит поесть немного? Все равно он не слишком спешит.

Он уже собрался открыть холодильник, но передумал. Похоже, вместе со свободой он заодно потерял и аппетит.

Выбравшись на шоссе I94, ведущее в Висконсин, Кевин попытался вспомнить, что испытывал, плавая среди рифовых акул всего неделю назад, но ему это не удалось. В голову лезла всякая чушь. Богатые спортсмены всегда были заманчивой добычей для корыстных искательниц счастья, и сначала он заподозрил, что Молли забеременела специально, чтобы подловить его. Но зачем ей деньги? Нет, она, как все изба-

лованные сучки, гналась только за удовольствиями и, стремясь удовлетворить капризы любыми способами, забывала о последствиях.

Едва он миновал Шебойган, звякнул сотовый. В трубке раздался голос Шарлотты Лонг, давнего и преданного друга их семьи. Как и его родители, она проводила летние месяцы в лагере и по-прежнему возвращалась туда в начале июня.

Кевин удивился. Они не перезванивались со дня похорон его матери. Зачем он понадобился Шарлотте?

– Кевин, меня опять донимал поверенный тети Джудит.

– Потрясающе, – пробормотал он. Перед глазами встала знакомая сценка: Шарлотта чинно беседует с его отцом и матерью после ежедневной службы в молельне. Даже в детстве они казались ему древними стариками.

Ко времени его рождения родители вели весьма упорядоченную жизнь, центром которой была церковь в Гранд-Рапидс, где отец был пастором. Других детей у них не было, и они не имели ни малейшего представления о том, что делать с живым, резвым малышом, которого любили всем сердцем, но не умели понять.

– *Пожалуйста, попробуй посидеть тихо, дорогой.*

– *Когда ты успел так запачкаться?*

– *Почему ты весь мокрый?*

– *Не так быстро.*

– *Не так громко.*

– *Не так шумно.*

– Футбол, сынок? По-моему, моя старая теннисная ракетка до сих пор валяется на чердаке. Может, попробуешь?

При всей своей нелюбви к футболу они неизменно посещали все игры, как подобало порядочным родителям в Гранд-Рapidс. Кевин до сих пор помнит, как различал на трибуне их взволнованные недоумевающие лица.

«Должно быть, они не раз гадали, каким образом им удалось зачать такого сына».

Именно это заметила Молли, когда он рассказал о родителях. Пусть она во многом ошибалась, но тут была абсолютно права.

– Он сказал, что ты ему не позвонил, – ворвался в его размышления осуждающий голос Шарлотты.

– Кто?

– Поверенный твоей тетушки Джудит. Не отвлекайся, Кевин! Он хочет поговорить насчет лагеря.

Кевин заранее знал, что скажет Шарлотта. Разговоры о лагере «Уинд-Лейк» неизменно выводили его из себя, поэтому он старался их избегать. Именно в этом месте пропасть между ним и родителями высвечивалась яснее всего. Именно лагерь служил причиной всех раздоров.

Лагерь построил его прадед в глуши северо-восточного Мичигана в конце девятнадцатого века. С самого начала это было место летних собраний членов методистской общины, но, поскольку лагерь располагался не на побережье океана, а на озере, он так и не приобрел широкой известности.

Все детство и отрочество Кевину приходилось ездить туда с родителями. Отец упорно цеплялся за старые обычаи и продолжал проповедовать рдеющей пастве, жалкой группе пожилых людей, год от года продолжавших возвращаться в маленькие домики. Кевин был там единственным ребенком.

– Надеюсь, ты понимаешь, что после смерти Джудит лагерь перешел к тебе, – подчеркнула Шарлотта.

– Мне он ни к чему.

– Глупости! Он принадлежал семейству Такер более ста лет!

– Шарлотта, это дыра, настоящая черная дыра, в которой бесследно исчезают любые деньги.

– Но ты должен заботиться о нем, как когда-то Джудит. Найми управляющего.

– Я продаю лагерь. Карьера для меня важнее.

– Ты не можешь! Кевин, ведь это часть истории твоей семьи! Кроме того, люди все еще приезжают туда!

– Должно быть, доходы тамошнего гробовщика каждый раз подскакивают до небес!

– Гробовщика? Ты о... Господи, мне нужно бежать, иначе опоздаю! Даю урок рисования акварелью.

Она повесила трубку, прежде чем он успел сообщить о своей женитьбе. Что ж, все к лучшему. Разговоры о лагере отнюдь не улучшили и без того мрачное настроение.

Боже, каждый раз каникулы превращались в сплошную муку! Пока друзья играли в бейсбол и бездельничали, он

торчал в захолустье, в компании нудных стариков с их дурацкими правилами.

– Не плещись так в воде, дорогой. Дамы не любят, когда им брызгают на волосы.

– Служба начинается через полчаса, сынок. Пойди умойся.

– Ты опять бил мячом о стену молельни? Вся краска в пятнах.

В пятнадцать лет он наконец восстал и едва не разбил их сердца.

– Я туда не поеду, и вы меня не заставите. Там тоска смертная, и я ненавижу ваш лагерь! Попробуйте только приставать ко мне, и я убегу из дома! Вот увидите!

Родители в конце концов сдались, и следующие три года он провел в Гранд-Рапидс со своим приятелем Мэттом. Отец Мэтта был молодым крепким парнем, заядлым спортсменом, игравшим в футбол за «Спатнс», и каждый вечер он кидал с мальчишками мяч, к неописуемому восторгу Кевина.

Через несколько лет Джон Такер состарился настолько, что больше не мог отправлять службы. Молельня сгорела, и лагерь утратил свою религиозную роль. Тетка Кевина Джулит переехала в унылый старый дом, где раньше останавливалось семейство Такер, и продолжала сдавать коттеджи на лето. Кевин никогда больше там не бывал.

Ему не хотелось думать о бесконечных скучнейших жар-

ких днях, нескончаемых замечаниях, нотациях, лекциях...

Кевин вставил в проигрыватель компакт-диск и увеличил звук. Когда граница между штатами осталась позади, он заметил на обочине дороги знакомый зеленовато-желтый «фольксваген». Такер с такой силой нажал на тормоз, что из-под колес полетела щебенка. Это машина Молли, ошибки быть не может. Она тяжело навалилась на руль.

Фантастика! Только этого ему не хватало. Какое право имеет она закатывать истерики? Это ему следовало бы выть от тоски!

Может, просто уехать, сделав вид, что ничего не заметил? Нет, она, наверное, уже увидела его. Ничего не поделать.

Поэтому он вышел и направился к «жучку».

От боли перехватило дыхание. Или от страха?

Молли понимала, что нужно добраться до больницы, но не могла пошевелиться. Боялась, что, если двинется с места, горячая липкая жидкость, уже пропитавшая юбку шерстяного подвенечного платья, хлынет потоком, который унесет ее ребенка.

Она приняла первые спазмы за кишечные колики от голода, поскольку весь день не ела. Потом ее скрутила схватка, такая сильная, что она едва сумела подвести машину к обочине, прикрыть руками живот и скорчиться.

Пожалуйста, не дай мне потерять мое дитя! Пожалуйста, Господи!

– Молли?

Сквозь пелену слез она увидела Кевина, склонившегося к боковому стеклу. Он тихо постучал.

– Молли, что с тобой?

Она попыталась ответить, но не смогла. Он подергал ручку.

– Открой дверь!

Молли послушно протянула руку, но очередная схватка настигла ее. Невнятно захныкав, она обняла руками бедра, словно опасаясь, что они раздвинутся.

Он снова постучал, на этот раз сильнее.

– Ударь по ручке! Просто ударь.

Каким-то образом ей удалось выполнить приказ. Волна пронзительного холода ударила в лицо, когда он распахнул дверь.

– Что случилось? – выдохнул он. С каждым словом из его рта вырывались клубы пара.

Ужас комом стоял в горле Молли, мешая говорить. У нее едва хватило сил прикусить губы и плотнее стиснуть бедра.

– Ребенок?

Она судорожно кивнула.

– Думаешь, это выкидыш?

– Нет! – выдавила она, борясь с болью и стараясь говорить спокойнее. – Это не выкидыш! Просто... просто спазмы.

Он явно не поверил, и она возненавидела его за это.

– Едем в больницу.

Он обогнул машину, открыл дверцу и попытался передвинуть ее на пассажирское сиденье, но она не позволила.

– Нет! Не... не трогай меня!

– Придется. Я не сделаю тебе больно, даю слово.

Он не понимал. Она боялась не за себя.

– Нет...

Но Кевин не слушал. Не раздвигая ног, она чуть приподнялась, и он неуклюже перетащил ее на место рядом с водительским. Молли застонала и задохнулась. Кевин ринулся к своей машине и почти сразу же вернулся с сотовым телефоном и шерстяным одеялом, которое накинул на нее. Прежде чем сесть за руль, он бросил на кресло куртку. Прикрыл кровавые ручейки.

Пока он выезжал на шоссе, она молилась о том, чтобы руки, сжимавшие бедра, не ослабели. Он с кем-то говорил по телефону... расспрашивал, как проехать в больницу. Шины крошечного автомобильчика жалобно завизжали, когда он вписался в поворот. Безумная, бесшабашная скорость.

Пожалуйста, Господи...

Временами она, кажется, теряла сознание и так и не поняла, долго ли они добирались до больницы. Когда Кевин открыл дверцу и протянул к ней руки, Молли безуспешно старалась сморгнуть слезы.

– Пожалуйста... я знаю, ты меня ненавидишь, но...

Не договорив, она охнула и скорчилась в очередной судороге.

– Мои ноги... я должна держать ноги вместе.

Присмотревшись к ней, он молча кивнул, подхватил ее, как пушинку, крепко прижал ее ноги к себе и внес в вестибюль. Кто-то уже спешил навстречу с каталкой.

– Нет...

Она попробовала схватить его за руку, но не смогла.

– Мои ноги... если ты отпустишь меня...

– Сюда, сэр, – сказал санитар.

– Покажите, куда ее нести, – перебил Кевин.

– Простите, сэр, но...

– Шевелитесь!

Она прильнула щекой к его груди и на секунду ощутила, что и она, и ребенок в полной безопасности. Он внес ее в отгороженный занавесками блок и осторожно уложил на стол.

– Мы позаботимся о ней, а вы пока спуститесь в регистратуру, сэр, – сказала медсестра.

Кевин стиснул руку Молли. Впервые после возвращения из Австралии он смотрел на нее не злобно, а сочувственно.

– Я сейчас вернусь.

Молли уставилась в потолок на мигающий люминесцентный светильник, гадая, как Кевин заполнит бланки. Он не знал ни даты ее рождения, ни второго имени. Вообще ничего.

Медсестра была совсем молоденькой, с милым, добрым лицом. Но когда она попыталась снять с Молли залитые кровью трусики, та воспротивилась: для этого нужно было раз-

двинуть ноги. Девушка погладила ее по плечу:

– Я буду очень осторожна.

Но ничего не помогло. К тому времени как доктор приемного отделения пришел осмотреть ее, Молли уже потеряла ребенка.

Кевин не позволил выписать ее до завтрашнего дня, и доктора исполнили желание знаменитого футболиста. Окно отдельной палаты выходило на автостоянку и аллею голых деревьев. Молли закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Она и уши заткнула бы, но сил не было. Один из докторов говорил с Кевином, выдерживая тот почтительный тон, в каком люди обычно обращаются к знаменитостям:

– Ваша жена молода и здорова, мистер Такер. Конечно, ей следует показаться гинекологу, но не вижу причин, почему бы вам не иметь еще детей.

В отличие от врача Молли такую причину видела.

Кто-то взял ее за руку. То ли медсестра, то ли доктор, то ли Кевин. Ей было все равно. Она отстранилась.

– Как ты себя чувствуешь? – прошептал Кевин.

Молли притворилась, что спит.

Он еще долго оставался в палате, а когда наконец ушел, Молли повернулась на бок и потянулась к телефону. Голова кружилась от таблеток, которыми ее напичкали, и пришлось набирать номер дважды, прежде чем ее соединили. Услышав голос Фэб, она заплакала:

– Приезжай за мной. Пожалуйста...

Дэн и Фэб появились в палате после полуночи. Молли думала, что Кевин уехал, но он, видимо, спал в вестибюле, поскольку она слышала, как он что-то доказывает Дэну.

Фэб погладила ее по щеке. Плодовитая Фэб, родившая одного за другим четверых детей. Теплая слеза упала на ладонь Молли.

– О, дорогая... мне так жаль...

Едва Фэб отошла от кровати, чтобы поговорить с медсестрой, как ее место занял Кевин. Ну почему он тут торчит?! Хоть бы убрался поскорее. Он чужак, а кому нужен чужак, когда жизнь кончена?

Молли отвернулась.

– Тебе не стоило им звонить, – тихо заметил он. – Я бы отвез тебя домой.

– Знаю.

Он был добр к ней, хотя она этого и не заслуживала... Молли заставила себя посмотреть на него и увидела в зеленых глазах не только сочувствие, но и усталость. Но ни следа грусти.

Оказавшись дома, она первым делом разорвала рукопись «Дафна находит крошку-крольчишку» и отнесла в мусорное ведро.

На следующее утро все газеты вопили о скоропалительной женитьбе звезды американского футбола.

Глава 6

Мелисса, Древесная Лягушка, была лучшей подружкой Дафны. По будням она любила ридиться в жемчуга и органди. Но каждую субботу накидывала шаль и разыгрывала из себя кинозвезду. Как Дафна заблудилась

«Наша рубрика „Чикагская знаменитость недели“ сегодня посвящена богатой наследнице футбольного магната Молли Сомервиль. В отличие от своей сестры, известной в спортивных кругах владелицы „Чикаго старз“ экстравагантной Фэб Кэйлбоу, Молли Сомервиль избегает шумных приемов и редко бывает в обществе, предпочитая оставаться в тени. Пребывая вдалеке от зорких глаз прессы, наша хитренькая мисс Молли, увлекающаяся к тому же сочинением детских книг, поймала в свои сети самого завидного чикагского жениха, неотразимого ведущего игрока „Старз“ Кевина Такера. Даже близкие друзья были потрясены известием о том, что парочка скромно поженилась на прошлой неделе в доме Кэйлбоу. Присутствовали только близкие родственники».

Репортер светской хроники поспешно убрала дежурную пластиковую улыбочку и неумело скорчила участливую гримаску, отчего еще больше стала походить на дешевую куклу.

«Но похоже, для новобрачных радость обернулась трагедией. Нам стало известно, что невесту вскоре после церемо-

нии доставили в больницу с тяжелым кровотечением. Выяснилось, что она потеряла ребенка. Сейчас супруги живут раздельно. Пресс-секретарь „Старз“ сказал, что молодожены пытаются уладить свои проблемы и не собираются делать заявление для прессы, а также выставлять свою личную жизнь напоказ».

Лили Шерман переключилась с чикагского телеканала на новости и тяжело вздохнула. Кевин женился на избалованной стервочке со Среднего Запада.

Встав, она дрожащими руками закрыла высокие стеклянные двери, выходившие в сад ее брентвудского дома, и подняла кашемировую шаль цвета кофе с молоком, лежавшую в изножье кровати. Нужно успокоиться, прийти в себя, прежде чем ехать в ресторан. Пусть Мэллори Маккой ее лучшая подруга, этот секрет она не доверит никому на свете.

Лили накинула шаль на одно из последних произведений Сент-Джона – кремовый вязаный костюм с золотыми пуговицами и отделкой из плетеной тесьмы по подолу и обшлагам, – захватила яркий подарочный пакет и отправилась в один из самых модных ресторанов на Беверли-Хиллз. Метрдотель с почтительным поклоном проводил ее к столику. Лили уселась, сделала заказ и, игнорируя любопытствующие взгляды парочки за соседним столиком, обвела зал пристальным взглядом.

Приглушенный свет лился на устрично-белые стены и падал на изысканную обстановку. Красновато-лиловый ковер,

ослепительные накрахмаленные скатерти и салфетки, изящное серебро в стиле ар-деко. Идеальное место для празднования нежеланного дня рождения. Ее пятидесятого. Правда, это известно только ей одной. Даже Мэллори уверена, что подруге всего сорок семь.

Лили отвели далеко не лучший столик, но она так привыкла разыгрывать кинодиву, что никто этого не замечал. Самые престижные места достались владельцам киностудии «Ай-си-эм», и Лили мысленно прикинула, не стоит ли подойти и представиться. Они, разумеется, знают ее. Да и кто не помнит Джинджер Хилл из нашумевшего сериала? Но в этом городе нет ничего более смехотворного, чем бывшая секс-кошечка, справляющая пятидесятый день рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.